

няетъ ихъ? Казалось бы, для организма выгоднѣе ограничиться «практическими» реакціями—дѣйствіями, а „теоретическія“, не выходящія за предѣлы психики, для него бесполезны.

Прежде всего, неполныя реакціи поддерживаютъ жизнеспособность двигательныхъ приспособленій. Если реакція долго не воспроизводится, хоть въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, напр., въ актѣ сознанія, то аппаратъ ея можетъ разстроиться, атрофироваться, какъ и всякій другой органъ при такихъ условіяхъ.—Конечно, въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе велико значеніе полныхъ реакцій: представляемое дѣйствіе не можетъ замѣнить реального хотя бы потому, что первое—слишкомъ плохая гимнастика для мускуловъ и двигательныхъ нервовъ.

Гораздо важнѣе другая сторона дѣла. Но ея выясненіе удобнѣе начать съ конкретного примѣра.

Человѣкъ очутился въ необычныхъ для него и затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ находится въ верхнемъ этажѣ дома, который горитъ, а удалиться привычнымъ способомъ—черезъ дверь—невозможно, потому что пламя уже охватило корридоры. Но открытое окно представляетъ условія, довольно аналогичныя, тѣмъ, какія представляетъ открытая дверь; а такъ какъ для повторенія привычной реакціи достаточно условій, сколько-нибудь сходныхъ съ тѣми, которыя первоначально ее вызвали, то человѣкъ легко приходитъ къ попыткѣ выбраться черезъ окно. Очутившись на вѣшнемъ выступѣ окна, онъ видитъ прямо подъ собой отвѣсную стѣну, и затѣмъ землю въ разстояніи 20 метровъ. Прямыми приспособленіями для лазанья по такой стѣнѣ психика не располагаетъ. Человѣкъ осматривается кругомъ—привычная реакція для всѣхъ случаевъ физической неприспособленности. Онъ замѣчаетъ слѣдующее. Направо вблизи отъ окна расположены рельефныя украшенія, которыя уступами идутъ внизъ, почти доходя до широкаго карниза. Карнизъ этотъ проходитъ мимо водосточной трубы, которая спускается до нижняго этажа и оканчивается на два метра отъ земли. Всѣ эти обстоятельства вызываютъ въ психикѣ рядъ привычныхъ двигательныхъ реакцій—вызываютъ сначала въ неполномъ видѣ, въ сферѣ только сознанія. Дѣло въ томъ, что идущія внизъ уступами рельефныя украшенія представляютъ отчасти тѣ же условія, что ступеньки лѣстницы, а потому въ сознаніи въ видѣ представленія и стремленія возобновляется привычная реакція схождения по ступенькамъ. Далѣе, широкій, плоскій карнизъ воспроизводитъ почти тѣ же условія, что любая дорожка, по какой человѣкъ привыкъ ходить, а водосточная труба—въ значительной мѣрѣ тѣ же, что стволы деревьевъ, по которымъ человѣку въ дѣтствѣ не

разъ случалось лазать. Въ сознаниі, слѣдовательно, воспроизводятся привычныя реакціи хожденія и лазанья. Наконецъ, небольшое разстояніе отъ конца трубы до земли почти точно воспроизводитъ условія привычнаго прыжка, и представленіе о немъ также выступаетъ въ сознаниі. Психика такимъ образомъ сразу комбинируетъ цѣлый рядъ привычныхъ приспособленій. Въ соединеніи со зрительнымъ воспріятіемъ, которое ихъ вызвало, они становятся матеріаломъ для новой пластичной реакціи, которая и должна явиться подходящимъ приспособленіемъ для данныхъ необычныхъ условій передвиженія.

Новое приспособленіе возникаетъ отчасти путемъ соединенія старыхъ, отчасти путемъ ихъ варіаціи. Простого соединенія привычныхъ реакцій обыкновенно недостаточно, и вотъ почему. Рельефныя украшенія стѣны не совсѣмъ то, что ступеньки лѣстницы, карнизъ не совсѣмъ то, что дорожка, водосточная труба — не стволъ дерева, и т. д. Въ зависимости отъ различій въ условіяхъ, указанные реакціи необходимо видоизмѣняются другими, соответствующими этимъ различіямъ. Такъ напр., спускаясь съ одного выступа на другой, человѣкъ долженъ цѣпляться руками за верхній выступъ, ногами тщательно ошупывать точку опоры — привычныя, почти рефлекторныя реакціи для всѣхъ случаевъ, когда существуетъ опасность паденія.

Въ концѣ концовъ, путемъ психическаго подбора изъ всего матеріала одновременно возникшихъ фактовъ сознанія создается цѣлесообразное пластическое приспособленіе, сначала только какъ реакція сознанія — планъ дѣйствій. Въ его формированіи участвуетъ гораздо больше старыхъ приспособленій, чѣмъ мы могли указать: вѣдь обстоятельства были гораздо сложнее, чѣмъ въ описаніи, а потому въ сознаниі должно было возникнуть гораздо больше образовъ и стремленій. Но психическій подборъ устранилъ большинство ихъ, какъ неподходящія ко всей совокупности условій приспособленія.

Когда выработается пластичная реакція сознанія, выполнѣ соответствующая условіямъ, то психическій подборъ быстро усиливаетъ ее и доводитъ до степени дѣйствія. Къ счастью, этотъ процессъ на дѣлѣ совершается гораздо быстрее, чѣмъ въ аналитическомъ описаніи.

Таковъ способъ, по которому психика выполняетъ свою творческую дѣятельность. Человѣкъ соображаетъ способы дѣйствія: въ его сознаниі выступаютъ различныя сочетанія старыхъ реакцій, но выступаютъ только въ сознаниі — въ видѣ образовъ — представлений, стремленій. Они возникаютъ потому, что новыя условія, къ которымъ надо приспособиться,

вовсе не совершенно новы для психики, да и не могут быть та-
кими. Каждое новое внѣшнее вліяніе разлагается на элементы, подобные
пережитымъ раньше, но только являющіеся въ новомъ сложномъ сочетаніи.
Соотвѣтственно прежнимъ элементамъ новаго сочетанія возбуждаются раз-
личные механизмы сложившихся реакцій; они возбуждаются въ различной
мѣрѣ, но вначалѣ, большей частью, не вполне, не настолько, чтобы на-
ступало самое дѣйствіе. Затѣмъ изъ нихъ путемъ психическаго подбора
создается новое сочетаніе, какъ форма приспособленія къ даннымъ обсто-
ятельствамъ; и оно возникаетъ еще только въ сознаніи—въ видѣ представ-
ленія объ опредѣленномъ комплексѣ дѣйствій, и стремленія осуществить его.
Но психическій подборъ, благопріятный для новой сложившейся формы,
усиливаетъ это стремленіе, такъ что оно переходитъ въ дѣйствіе: реакція
неполная превращается въ полную.

На этомъ примѣрѣ можно понять громадное значеніе неполныхъ реакцій
для психической пластичности. Въ чемъ состоитъ такая пластичность? Это сложный,
и дорого стоящій психикѣ процессъ подбора психическихъ формъ. Непере-
житыя раньше сочетанія условій возбуждаютъ, прямо и косвенно, не одинъ,
а множество реактивныхъ механизмовъ. Изъ возникающихъ при этомъ реак-
цій процессъ подбора (главнымъ образомъ, психическаго) поддерживаетъ и
до извѣстной степени усиливаетъ одні, устраняетъ или до извѣстной степени
ослабляетъ другія; наконецъ, получается такое сочетаніе, которое наиболѣе
подходитъ къ даннымъ обстоятельствамъ, т. е. при данныхъ обстоятель-
ствахъ наиболѣе сохраняется и усиливается дѣйствіемъ подбора. Но раньше,
чѣмъ получится такая форма приспособленія, отрицательная дѣятельность
подбора обыкновенно далеко преобладаетъ надъ положительной: гораздо
большее число частичныхъ реакцій устраняется, чѣмъ поддерживается.

Какъ мы видѣли на взятомъ примѣрѣ, эта отрицательная работа подбора
происходитъ главнымъ образомъ въ сферѣ неполныхъ реакцій, именно
въ сознаніи. А хорошо ли было бы, если бы подборъ имѣлъ дѣло только съ
полными реакціями? Такъ какъ полная реакція представляетъ гораздо болѣе
значительную затрату психической энергіи, чѣмъ неполная, то въ этомъ
случаѣ на пластику пошло бы громадное количество энергіи. Кромѣ того,
неудачныя движенія успѣвали бы причинить немалый вредъ организму,
прежде чѣмъ подбору удавалось бы остановить ихъ. Процессъ приспособ-
ленія слишкомъ дорого обходился бы психикѣ. И вотъ здѣсь то обнаружи-
вается высокополезная роль неполныхъ реакцій, въ частности—актовъ
сознанія.

Но участіе сознанія въ пластичѣ важно не только тѣмъ, что сокращаетъ

непосредственную растрату энергии на приспособление и охраняет психику от поспѣшныхъ „ложныхъ шаговъ“. Оно полезно еще въ томъ смыслѣ, что позволяетъ гораздо большому числу психическихъ формъ принять участие въ пластикѣ. Неполныя реакціи, составляя гораздо меньшую растрату энергии, чѣмъ полныя, и возникаютъ гораздо легче, и одновременное число ихъ въ психикѣ можетъ быть гораздо больше. Когда же изъ нихъ сложится окончательная реакція, то она, естественно, окажется и болѣе совершенной, благодаря тому, что въ ея выработкѣ участвовала болѣе значительная доля всей психики. Какъ много возможныхъ способовъ дѣйствія успѣваетъ человѣкъ перебрать въ своемъ сознаниі, когда онъ только соображаетъ, и какъ мало попытокъ онъ успѣлъ бы привести въ исполненіе, если бы каждое возникающее въ психикѣ стремленіе немедленно начинало осуществляться въ дѣйствіи!

Изъ всего только что изложеннаго нетрудно видѣть, что сознательная психика есть настоящее приспособленіе для развѣтленія. Именно ей обязано человѣчество своей возрастающей властью надъ природой ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь уместно сказать нѣсколько словъ по поводу такъ называемыхъ „безсознательныхъ представлений и стремленій“ и особенно „безсознательныхъ умозаключеній“. Эти крайне своеобразныя психологическія понятія еще встрѣчаются у многихъ психологовъ. Они опираются на факты внѣ-сознательной пластичности психическихъ формъ. Нерѣдко человѣкъ, даже неожиданно для себя, находитъ въ своемъ сознаниі новый, цѣльный комплексъ представлений, сложившійся совершенно незамѣтно для сознания. Напр., утомленный долгимъ обдумываніемъ труднаго теоретическаго или практическаго вопроса, человѣкъ совсѣмъ бросаетъ думать о немъ. Но черезъ нѣкоторое время въ сознаниі вдругъ сразу возникаетъ готовое, удовлетворительное рѣшеніе вопроса: очевидно, приспособленіе сложилось внѣ сознания. Затѣмъ цѣлый рядъ сравнительно простыхъ, автоматически выполняемыхъ психическихъ актовъ могутъ быть представлены какъ результатъ „умозаключенія“; этотъ логическій процессъ, котораго въ сознаниі не находятъ, предполагаютъ тогда въ области безсознательнаго. Напр., когда человѣкъ относитъ оба изображенія предмета, получаемыя въ двухъ глазахъ, къ одному предмету, то это можетъ быть представлено, какъ результатъ умозаключенія—отъ взаимнаго соотвѣтствія изображеній на двухъ сѣтчаткахъ къ тождеству ихъ внѣшней причины. Если скосить глаза, изображенія оказываются не на взаимно-соотвѣтственныхъ мѣстахъ, прежняго умозаключенія не получается—предметъ двоится въ глазахъ. Все такіе факты, дѣйствительно, указываютъ на существенное тождество пластическихъ процессовъ въ сознаниі и безсознательной психикѣ, на условность разграниченія этихъ сферъ; пожалуй, они указываютъ также на вѣроятность существованія въ нашей психикѣ, помимо центрального сознания, еще другихъ „сознаній“, внѣ-центральныхъ, разбѣянныхъ въ „безсознательной психикѣ“ и живущихъ своею особенной, хотя и подчиненной жизнью.— Но все-же лучше отрицательно отнестись къ употребленію такихъ терминовъ, какъ

d) Гармонія и противорѣчія въ мірѣ сознанія.

Въ процессахъ психической пластики—а къ нимъ сводится почти вся сознательная жизнь человѣка—сознаніе на каждомъ шагѣ становится полемъ одновременнаго проявленія различныхъ представлений и стремленій. Тогда эти представленія и стремленія подлежатъ психическому подбору не только сами по себѣ, но и по своему взаимному отношенію. Они могутъ оказываться приспособленными или неприспособленными другъ къ другу; а благодаря этому изъ самаго ихъ соотношенія можетъ возникать временное повышение или пониженіе жизнедѣятельности центровъ сознанія.—Каждому по опыту извѣстно, что одни сочетанія фактовъ сознанія вызываютъ такое чувство удовольствія, какого не могли бы дать всѣ эти факты, взятые въ иной связи; другія сочетанія такимъ же образомъ вызываютъ спеціальное чувство страданія. Напр., въ картинѣ одно сочетаніе образовъ даетъ такое эстетическое удовольствіе, какого не можетъ дать другое сочетаніе тѣхъ же образовъ, а въ третьемъ сочетаніи получится даже непріятное впечатлѣніе. Такъ какъ въ этихъ чувствахъ выражается психическій подборъ, то очевидно, что ему подлежатъ не только формы сознанія въ отдѣльности, но и связь между ними: она становится болѣе прочной, когда, благодаря данному сочетанію актовъ сознанія, возрастаетъ непосредственная приспособленность центровъ сознанія; она ослабѣваетъ или разрушается, когда, благодаря одновременному появленію данныхъ формъ въ сознаніи, энергія высшихъ центровъ понижается.

Въ первомъ случаѣ отношеніе двухъ формъ сознанія обозначается, какъ взаимное соотвѣтствіе или гармонія, во второмъ—какъ протп-

„безсознательное представленіе“, и т. под.: они способны чрезвычайно затруднить необходимое для изслѣдованія опредѣленіе и разграниченіе видовъ психическихъ реакцій. Достаточно помнить, что психическая форма существуетъ и тогда, когда наблюденіе не находитъ ея ни во внѣшнихъ проявленіяхъ, ни въ сознаніи: она существуетъ въ видѣ опредѣленнаго комплекса молекулярныхъ или иныхъ движеній въ опредѣленныхъ, взаимно связанныхъ элементахъ психики. И въ этомъ видѣ форма реакціи можетъ измѣняться дѣйствіемъ различныхъ вліяній: на почвѣ такихъ измѣненій происходитъ внѣ-сознательная пластика; управляетъ ею не тотъ центральный подборъ, который выражается въ чувствахъ удовольствія и страданія, а другія формы подбора. Между тѣмъ подборъ извѣстныхъ намъ въ нашемъ сознаніи представлений и стремленій совершается по преимуществу именно въ формѣ удовольствія и страданія; такимъ образомъ у насъ имѣется достаточное основаніе отказаться отъ терминовъ „безсознательныя, представленія“ и т. под., а ограничить міръ представлений, стремленій и ихъ производныхъ въ родѣ умозаключеній—одною сознательной психикой.

ворѣчіе. Эти два понятія должны быть положены въ основу изслѣдованія, когда дѣло идетъ о высшихъ формахъ психическаго развитія.

Перейдемъ къ болѣе конкретному изученію гармоническихъ и противорѣчивыхъ сочетаній фактовъ сознанія съ принятой нами энергетической точки зрѣнія. При этомъ начнемъ съ болѣе легкаго случая—одновременности двухъ стремленій въ сознательной психикѣ.

Стремленіе есть незавершенное дѣйствіе, центробѣжный актъ сознанія, растрата нервной энергіи по направленію къ периферическому мускульному аппарату. Усиливаясь, оно имѣетъ тенденцію перейти въ полное дѣйствіе, и даже болѣе того—всегда заключаетъ въ себѣ большую или меньшую долю дѣйствительныхъ мускульныхъ сокращеній и напряженій, настоящей двигательной иннервации.

Существованіе въ психикѣ двухъ стремленій означаетъ два центробѣжныхъ потока энергіи. Пусть они направляются къ двумъ группамъ мускуловъ, которыя взаимно-антагонистичны въ своей дѣятельности, приспособлены къ взаимно-противоположнымъ движеніямъ организма. Напр., Гераклесъ стоитъ на распутьи, приглашаемый богиней наслажденія и богиней добродѣтели въ прямо противоположныя стороны—одна зоветъ направо, другая налево. Оба стремленія сильны, оба представляютъ изъ себя значительную растрату энергіи по направленію къ двумъ опредѣленнымъ группамъ мускуловъ, и обѣ группы исключаютъ другъ друга въ своей дѣятельности—невозможно одновременно повернуть направо и налево. Пусть въ направленіи каждой группы протекаетъ въ секунду количество нервной энергіи, равное, положимъ, 10 эргамъ: цифра, конечно, совершенно произвольная—никакихъ подходящихъ измѣреній еще не было сдѣлано, и врядъ ли скоро удастся ихъ осуществить,—но дѣло вовсе не въ конкретной величинѣ. Итакъ, сила двухъ стремленій равняется въ совокупности 20 эргамъ въ секунду; если бы такое количество психической работы затрачивалось на одну только группу мускуловъ, это могло бы быть достаточно для перемѣщенія организма,—а между тѣмъ онъ ни съ мѣста. Интенсивность стремлений можетъ возрасти еще болѣе, тонусъ мускуловъ можетъ значительно повыситься—и все же никакого результата. Энергія, очевидно, растрачивается безъ пользы, психика оказывается неприспособленной благодаря соотношенію двухъ стремленій. Психическій подборъ долженъ такъ или иначе устранить это вредное соотношеніе, которое вполне заслуживаетъ того, чтобы назвать его „противорѣчіемъ“¹⁾.

¹⁾ Читатель, знакомый съ психофизиологіей, замѣтитъ, конечно, что въ приведенной

Въ массѣ случаевъ два одновременныя стремленія бываютъ не прямо противоположны по направленію иннерваціи, а просто различны, напр., когда человѣкъ, имѣя въ виду выполнить нѣсколько различныхъ дѣлъ, не сразу рѣшаетъ, которымъ изъ нихъ раньше заняться. И въ этомъ случаѣ передъ нами „противорѣчіе“ стремленій, только не такое рѣзкое, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ: стремленія находятся во взаимной конкуренціи; каждое изъ нихъ мѣшаетъ другому перейти въ дѣйствіе тѣмъ, что отнимаетъ для себя часть наличной энергіи центровъ сознанія, которая всегда ограничена по количеству. Тогда усиленіе одного стремленія совершается рядомъ съ ослабленіемъ другихъ, такъ сказать, на ихъ счетъ.

Та неприспособленность, которая возникаетъ изъ противорѣчія стремленій, обозначается обыкновенно выраженіями: нерѣшительность, внутренняя борьба, „колебаніе“ (очевидно, послѣдній терминъ указываетъ, по своему основному значенію, на безполезныя мелкія двигательныя реакціи, направленные то въ ту, то въ другую сторону).

Теперь беремъ примѣръ противоположнаго характера. У Геркулеса есть стремленіе подраться съ сильнымъ противникомъ, чтобы пріобрѣсти славу; у него есть также другое стремленіе—возратить неутѣшной вдовѣ ея покойнаго мужа. Сила каждаго стремленія измѣряется, положимъ, 10 эргами въ секунду—величина недостаточная для настоящей двигательной реакціи. Такимъ образомъ, если бы стремленія были противоположны, или просто конкурировали между собою, ни одно изъ нихъ не перешло бы въ дѣйствіе—оба остались бы только въ сферѣ сознанія, вся сумма ихъ энергіи была бы затрачена не на прямое реальное приспособленіе. Но оба стремленія ведутъ къ однимъ дѣйствіямъ, оба потока иннерваціи сходятся къ однимъ проводникамъ, направляются къ однимъ элементамъ мускульной системы. Величина иннерваціи оказывается 20 эрговъ, она уже достаточно для того, чтобы вызвать полную двигательную реакцію: Геркулесъ отправляется душить Танатоса—бога смерти.—Энергія психики тратится на внѣшнее приспособленіе, тратится, стало быть, производительно, благодаря чему ея убыль вознаграждается послѣдующимъ возрастаніемъ. Отношеніе двухъ стремленій оказы-

иллюстрація явленія представлена въ значительно упрощенномъ видѣ. Стремленія въ дѣйствительности не сводятся къ такой элементарной формѣ, какъ у насъ изображено; соответственныя мускульныя функціи не являются прямо противоположными, они противоположны для даннаго случая лишь въ наибольшей части, въ меньшей же части только различны, и т. д. Но все это нисколько не измѣняетъ сущности изображаемыхъ фактовъ, общей характеристики даннаго состоянія психики, а потому если и принять во вниманіе всѣ поправки, выводы останутся все тѣ же.

вается выгоднымъ для организма, психическій подборъ необходимо благоприятенъ данному сочетанію психическихъ фактовъ: это — гармонія, соотвѣтствіе стремленій.

Но возможенъ и такой случай, когда, не смотря на свою взаимную гармонію, оба стремленія все-же и въ совокупности не обладаютъ достаточной энергіей, чтобы перейти въ дѣйствіе. Въ чемъ же тогда заключается положительное значеніе этой гармоніи?

Поскольку энергетическіе элементы двухъ стремленій совпадаютъ, постольку они сливаются въ одно, болѣе интенсивное. Такимъ образомъ, при данныхъ затратахъ психической энергіи получается относительно большая интенсивность акта сознанія. Очевидно, при большей интенсивности актъ сознанія стоитъ ближе къ своему біологическому назначенію — къ переходу во внѣшнее движеніе организма; при большей интенсивности актъ сознанія въ большей мѣрѣ способствуетъ выработкѣ и подготовленію настоящихъ двигательныхъ реакцій. А это біологически выгодно, такъ какъ затраты психической энергіи сознанія оказываются направлены болѣе производительно, чѣмъ въ другихъ случаяхъ.

Напротивъ, если энергетическіе элементы одновременныхъ стремленій направлены различно или противоположно, то они конкурируютъ и взаимно ослабляются въ сознаніи: каждое, отнимая для себя извѣстную долю разсѣивающейся энергіи сознанія, мѣшаетъ другимъ достигнуть большей интенсивности. Энергія сознанія тратится не интенсивно, а экстенсивно, что біологически невыгодно: чѣмъ менѣе интенсивны стремленія, тѣмъ дальше они стоятъ отъ перехода во внѣшнее движеніе, тѣмъ меньше даютъ для выработки двигательныхъ реакцій, — тѣмъ менѣе производительна работа сознанія.

Въ общемъ, большую интенсивность процессовъ сознанія при данныхъ затратахъ психической энергіи слѣдуетъ разсматривать, какъ біологически выгодное, меньшую — какъ біологически не выгодное для организма ¹⁾. Это относится не только къ формамъ стремленія, но и къ формамъ воспріятія и представленія. Почему? Потому, что и ихъ біологическое значеніе таково же, какъ значеніе тѣхъ формъ стремленія, которыя непосредственно не переходятъ въ дѣйствіе: оно сводится къ выработкѣ и подготовленію двига-

¹⁾ Конечно, только въ общемъ, а не всегда. Непосредственная польза и вредъ не всегда оказываются тѣмъ же самымъ и въ окончательныхъ результатахъ; выработанныя сознаніемъ реакціи не всегда полезны для организма, и т. д.: не даромъ возможны значительныя противорѣчія между различными стадіями подбора.

тельныхъ реакцій, къ переходу въ эти послѣднія черезъ большую или меньшую цѣль промежуточныхъ звеньевъ; значитъ, здѣсь примѣнимы всѣ предыдущія соображенія объ интенсивности и экстенсивности сознанія.

Точно также въ мускульной работѣ затрата энергіи оказывается мало производительной, если рядомъ съ необходимыми мускульными сокращеніями въ реакціи участвуютъ другія, имъ антагонистичныя, или просто излишнія, уменьшающія фактическую интенсивность движеній. Здѣсь существуетъ полная аналогія между сознаніемъ и внѣшнимъ движеніемъ, и аналогія очень понятная: то и другое есть психическая работа; только сознаніе есть биологически-подчиненная форма, приспособленіе для внѣшнихъ реакцій. Болѣе интенсивная жизнь сознанія соответствуетъ, въ общемъ, и болѣе интенсивной внѣшней дѣятельности; то и другое виѣстѣ составляетъ высшій типъ психической жизни ¹⁾).

Отношеніе двухъ воспріятій, воспріятія съ представленіемъ, двухъ представленій, можетъ быть гармоніей или противорѣчіемъ, какъ изъ опыта извѣстно каждому. Изъ предыдущаго видно, что гармонія и здѣсь должна зависѣть отъ частнаго совпаденія нѣкоторыхъ элементовъ въ одновременныхъ образахъ сознанія, противорѣчіе—отъ энергетической противоположности элементовъ того и другого образа, приводящей къ ихъ взаимному ослабленію. При отсутствіи какъ совпаденій, такъ и противоположности получается болѣе слабая степень противорѣчія образовъ: ихъ интенсивность понижается въ силу простой конкуренціи между ними въ ограниченной сферѣ сознанія. Пояснимъ все это нѣсколькими примѣрами.

Въ сочетаніи звуковыхъ воспріятій, напримѣръ, въ музыкальномъ аккордѣ, гармонія (консонансъ) опредѣляется совпаденіемъ нѣкоторыхъ обертоновъ изъ тѣхъ, которые ухо выдѣляетъ въ составѣ различныхъ звуковъ. Противорѣчіе звуковыхъ воспріятій (диссонансъ) возникаетъ—въ болѣе слабой степени—тамъ, гдѣ ухо не находитъ совпаденій между обертонами различныхъ звуковъ: но гораздо болѣе рѣзкій диссонансъ получается при такъ называемыхъ „біеніяхъ“, когда сила воспринимательныхъ соче-

¹⁾ Этому нисколько не противорѣчитъ столь часто наблюдаемое среди современной культуры несоотвѣтствіе между количествомъ жизни сознанія и количествомъ внѣшней дѣятельности: типы „гамлетовъ“, которые много колеблются и ни на что не рѣшаются, и „головастики“, которые очень много думаютъ и изучаютъ, но очень мало предпринимаютъ. Въ первомъ случаѣ дѣло идетъ о противорѣчивой жизни сознанія: у гамлетовъ на каждомъ шагѣ стремленія парализуются противоположными стремленіями. Во второмъ случаѣ жизнь сознанія не интенсивна, а экстенсивна: сознаніе у головастика разсѣянное, разбросанное; въ немъ конкурируетъ множество одновременныхъ представленій, стремленій.

таній звуковъ быстро и часто колеблется вверхъ и внизъ, при чемъ воспріятія этихъ противоположныхъ колебаній одновременно существуютъ въ полѣ сознанія (воспріятіе повышенія силы звука еще не исчезло, когда уже воспринимается ея пониженіе). Этотъ худшій видъ диссонанса становится особенно понятнымъ, если предположить, что въ воспріятіи противоположныхъ измѣненій силы звука участвуютъ и энергетически-противоположные процессы сознанія.

Зрительное воспріятіе звѣздъ на ясномъ небѣ, осязательное воспріятіе волнъ мягкихъ волосъ подъ рукою, порождаютъ чувство гармоніи. Очевидно, и здѣсь это чувство зависитъ отъ многократнаго совпаденія отдѣльных элементовъ одновременныхъ воспріятій. — Но именно къ зрительнымъ и осязательнымъ образамъ можно въ значительной мѣрѣ и прямо примѣнить то, что говорилось о гармоніи и противорѣчій стремленій: въ обѣихъ этихъ группахъ воспріятій и представленій двигательные элементы (иннервационные) играютъ господствующую роль: воспріятіе и представление формы предметовъ происходитъ при помощи движеній — зрительныхъ мускуловъ въ первомъ случаѣ, скелетныхъ — во второмъ, или при помощи соотвѣтственныхъ стремленій ¹⁾.

¹⁾ Отметимъ, что законъ гармоніи образовъ не сводится къ прямому однообразію; законъ гармоніи — единство въ разнообразіи. Полное однообразіе, точное повтореніе формъ не вызываетъ чувства гармоніи, не повышаетъ интенсивности актовъ сознанія; напротивъ, оно ослабляетъ, усыпляетъ сознаніе. Гармонія порождается частичнымъ совпаденіемъ элементовъ въ различныхъ образахъ.

Биологически это понятъ не трудно. Сознаніе, какъ мы знаемъ, есть приспособленіе къ измѣняющимся внѣшнимъ вліяніямъ (приспособленіе для психической пластичности). Когда эти вліянія точно совпадаютъ въ своихъ повтореніяхъ, то достаточно сознанію приспособиться къ первымъ изъ нихъ, и роль сознанія окончена: въ пластикѣ больше нѣтъ надобности, дальнѣйшая приспособляющая дѣятельность сознанія излишня; польза организма требуетъ ея ослабленія до необходимаго minimum (конечно, и тогда роль сознанія оканчивается не безусловно: въ дѣйствительности нѣтъ вполнѣ точныхъ повтореній; постоянно что-нибудь измѣняется во внѣшней средѣ). — Это ослабленіе работы сознанія достигается, вѣроятно, при помощи того аппарата, который контролируетъ питаніе высшихъ центровъ — при помощи соотвѣтственныхъ отдѣловъ сосудодвигательной системы. Такъ, при гипнотизаціи, которая выполняется чаще всего именно посредствомъ однообразныхъ впечатлѣній, прежде всего наступаютъ явленія нѣкоторой анеміи большого мозга, и ограниченіе сознанія идетъ влѣдъ за ограниченіемъ питанія сознательныхъ центровъ.

Такимъ образомъ одна тенденція психическаго развитія — къ возможно большей интенсивности сознанія — основывается на томъ, что именно путемъ процессовъ сознанія пластически достигается наибольшая приспособленность. Другая тенденція — къ ограниченію дѣятельности сознанія тѣми случаями, когда она необходима, — вытекаетъ изъ

Чувство гармоніи и чувство противорѣчія представляютъ изъ себя, какъ мы знаемъ, частный видъ удовольствія и страданія, т. е. одну изъ формъ выраженія психическаго подбора. Это—въ высшей степени важная форма подбора, своеобразная въ томъ смыслѣ, что она направлена на взаимныя отношенія фактовъ сознанія. Чувство гармоніи выражаетъ положительную сторону такого подбора, и означаетъ укрѣпленіе, упроченіе взаимной связи данныхъ формъ сознанія. Чувство противорѣчія выражаетъ отрицательную сторону подбора—тенденцію къ ослабленію и разрушенію существующей взаимной связи формъ познанія. >

При этомъ, разумѣется, дѣйствіе подбора простирается не только на связь формъ сознанія, но и на самыя эти формы. Гармонія двухъ представленій не только дѣлаетъ прочнѣе ихъ связь, но и повышаетъ жизнеспособность каждаго изъ нихъ. Противорѣчіе двухъ представленій приводитъ не только къ тому, что они разъединяются въ сознаніи, но и къ тому, что сами они измѣняются: либо просто деградируетъ одно изъ нихъ или оба, либо путемъ новой пластики они приспособляются одно къ другому. Положимъ, человекъ впервые наблюдаетъ полное солнечное затмѣніе; въ сознаніи возникаетъ противорѣчіе между представленіемъ о дневномъ видѣ небснаго свода и воспріятіемъ звѣздъ и помраченнаго солнца. Тогда либо возникаетъ тенденція не связывать этого воспріятія съ представленіемъ о днев-

того факта, что сознаніе есть затрата энергіи жизненнаго процесса. Законъ гармоніи вытекаетъ изъ сочетанія этихъ двухъ тенденцій. Съ одной стороны, интенсивность сознанія непосредственно возрастаетъ отъ частнаго совпаденія энергетическихъ элементовъ одновременныхъ фактовъ сознанія; и это полезно для психики, ибо въ наибольшей мѣрѣ она должна приспособляться именно къ повторяющимся условіямъ среды, которыми, вообще говоря, и вызываются совпаденія фактовъ сознанія. Съ другой стороны, при очень полномъ совпаденіи ряда послѣдовательныхъ фактовъ сознанія, интенсивная дѣятельность сознанія излишня: при точныхъ повтореніяхъ условій, психика, приспособившись къ первымъ повтореніямъ, тѣмъ самымъ создаетъ приспособленіе и для послѣдующихъ; дальнѣйшая пластика не нужна. — Единство въ разнообразіи требуетъ пластики, требуетъ интенсивной дѣятельности сознанія, и въ то же время позволяетъ ей стать интенсивною при сравнительно малыхъ затратахъ энергіи. Это и есть гармонія. >

Во всякомъ случаѣ, даже голое однообразіе не порождаетъ чувства противорѣчія, о которомъ мы говорили. — Да и вообще законъ гармоніи не есть что-либо постоянное. Въ развитіи человечества психика измѣняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и реальное содержаніе такихъ общихъ схемъ, какъ „гармонія“, „противорѣчіе“. То, что для культурнаго человека является гармоничнымъ, въ чемъ культурное сознаніе рядомъ съ разнообразіемъ находитъ достаточно единства,—то для слабого, не культурнаго сознанія представилось бы утомительнымъ, рѣзкимъ разнообразіемъ, противорѣчивой толпой образовъ. Въ то же время, что для дикаря выступаетъ, какъ гармонія, то для насъ кажется скучнымъ однообразіемъ (напр., монотонная музыка негровъ).

номъ времени, — отдѣльно отъ дня и ночи становится третье состояніе неба; либо деградируетъ представленіе о дневномъ небѣ — теряетъ свою ясность, отчетливость, опредѣленность; либо въ сознаніи произойдетъ еще какая-нибудь иная пластика — въ зависимости отъ общей суммы условій ¹⁾).

Исходя изъ общаго понятія о томъ психическомъ подборѣ, который выражается въ гармоніи и противорѣчій формъ сознанія, мы получаемъ возможность изслѣдовать основныя тенденціи въ развитіи сознательной психики.

Резюмируемъ въ немногихъ словахъ выводы этой главы.

1. Сознаніе мы разсматриваемъ, какъ опредѣленное звено въ неразрывной цѣпи фیزیологическихъ процессовъ психического аппарата.

2. Сознаніе есть приспособленіе, какъ необходимый моментъ въ процессѣ выработки двигательныхъ реакцій. Спеціальная роль сознанія въ этомъ смыслѣ сводится къ быстрой и связанной съ наименьшими затратами энергіи пластикѣ цѣлесообразныхъ приспособленій для измѣнчивой среды.

3. Гармонія и противорѣчіе фактовъ сознанія сводятся къ повышенію и пониженію производительности затратъ психической энергіи на внѣшнее движеніе и на процессы сознанія, когда это повышеніе или пониженіе зависитъ отъ сочетанія, отъ связи фактовъ сознанія.

4. вмѣстѣ съ тѣмъ гармонія и противорѣчіе фактовъ сознанія представляютъ изъ себя выраженіе спеціальной формы психического подбора, укрѣпляющей или разрушающей данную связь между фактами сознанія.

3. Выработка формъ сознанія.

а) Процессъ обобщенія.

Взаимная гармонія фактовъ сознанія, будутъ ли это воспріятія, представленія или стремленія, означаетъ, что въ нихъ существуютъ элементы совпаденія, что процессы эти, возникая въ сознаніи одновременно, частично сливаются между собою, и что взаимная ихъ связь стремится стать болѣе

¹⁾ Противорѣчіе стремленій представляетъ наиболѣе простой случай такого рода: тутъ психика приспосабливается чаще всего путемъ вытѣсненія одного стремленія другимъ. Психическій подборъ при этомъ особенно энергиченъ, такъ какъ борьба стремленій составляетъ обыкновенно значительную растрату энергіи высшихъ центровъ; поэтому сравнительно быстрое совершается ослабленіе, деградация одного изъ стремленій. — Но бываетъ, конечно, и болѣе сложная „пластика“: окончательное „рѣшеніе“ часто не соответствуетъ въ точности ни одному изъ первоначальныхъ стремленій.

прочною подѣ влияніемъ психическаго подбора: „ассоціація“ гармонирующихъ фактовъ сознанія, разъ сложившись, становится все болѣе тѣсною, каждый изъ нихъ все легче и постоянноѣ вызываетъ за собою другіе.

Конечно, гармонія двухъ процессовъ сознанія можетъ обнаружиться только тогда, когда они дѣйствительно встрѣтятся въ сознаніи, хоть разъ возникнутъ въ немъ одновременно; иначе она остается скрытой, и очень часто не успѣваетъ проявиться въ теченіе жизни цѣлыхъ поколѣній. Нерѣдко научныя открытія въ своей основѣ сводятся именно къ тому, что въ сознаніи данной особи впервые сталкиваются такія воспріятія и представленія, которыя еще не встрѣчались между собою раньше и въ сознаніи другихъ людей; и тогда оказывается, что эти факты сознанія гармонируютъ между собою, такъ что между ними устанавливается все болѣе тѣсная связь. По всей вѣроятности, такимъ образомъ произошло, напр., открытіе планетнаго тяготѣнія Исаакомъ Ньютономъ: въ его сознаніи впервые встрѣтились два представленія: о дугѣ параболы, которую описываетъ горизонтально брошенное тѣло (напр., яблоко), и о дугѣ эллипса, который описываютъ планеты въ солнечной системѣ; частичное совпаденіе элементовъ этихъ двухъ представленій выразилось въ томъ, что Ньютонъ почувствовалъ ихъ взаимную гармонію; и та связь ассоціаціи, которая между ними установилась, стала исходной точкой гениальнаго изслѣдованія.

Но гармонирующія реакціи сознанія должны, въ общемъ, легко встрѣчаться между собою. Такъ какъ гармонія сводится къ извѣстной степени сродства фактовъ сознанія, то очень понятно, что эти факты сознанія могутъ весьма часто возникать при сходныхъ условіяхъ. Если представленія кошки и котенка гармонируютъ между собою, то вѣдь кошку и котенка весьма часто встрѣчается и въ дѣйствительности видѣть вмѣстѣ. Къ тому же, чѣмъ болѣе становится привычною какая-нибудь психическая реакція, тѣмъ легче она воспроизводится при сколько-нибудь сходныхъ условіяхъ.

Такъ или иначе, но гармонирующія, слѣдовательно, сходныя формы сознанія должны иногда сближаться въ дѣйствительности. Тогда дѣло, обыкновенно, не ограничивается простымъ установленіемъ ассоціаціи между двумя формами; происходитъ еще своеобразная пластика, имѣющая громадное значеніе въ жизни человѣчества—такъ называемый процессъ обобщенія. Къ его изслѣдованію мы теперь и перейдемъ, но начать намъ придется съ небольшого отступленія—читатель потомъ увидитъ, что оно только кажущееся.

Вспомнимъ, какъ образуется привычная реакція. Ея начало—пластич-

ная реакція, сравнительно несовершенная, въ которой, кромѣ элементовъ дѣйствительнаго приспособленія, есть немало элементовъ биологически-излишнихъ, немало бесполезныхъ для организма затратъ энергій. Напр., когда человѣкъ учится плавать, то вначалѣ все время усиленно работаетъ чуть не вся мускульная система. Одинъ разъ за другимъ реакція вновь повторяется, и въ каждый слѣдующій разъ она, благодаря дѣйствию подбора, является болѣе совершеннымъ приспособленіемъ. Она все въ большей мѣрѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ повторяющимся условіямъ, которыя ее вызываютъ (въ нашемъ примѣрѣ — сопротивленію воды, ея удѣльному вѣсу, и т. д.); элементы, дѣйствительно полезные при этихъ условіяхъ, становятся прочнѣе и тѣснѣе связываются между собою; элементы биологически излишніе, разныя „сочувственныя“ и другія нецѣлесообразныя движенія ослабляются до minimum. Совсѣмъ они не исчезаютъ; даже отчасти напротивъ: такъ какъ условія реакціи никогда въ точности не повторяются, а подвергаются безчисленнымъ мелкимъ измѣненіямъ, то и въ самой реакціи постоянно происходятъ новыя мелкія измѣненія, въ большинствѣ нецѣлесообразныя, ибо почти никогда организмъ сразу не приспособляется къ новымъ вліяніямъ. Такимъ образомъ къ прежнимъ излишнимъ элементамъ должны присоединяться новыя; но тѣ и другіе все болѣе подавляются постепеннымъ дѣйствіемъ подбора (психическаго и внутренняго), и наконецъ становятся совсѣмъ незамѣтны сравнительно съ основными движеніями, которыя приспособляютъ организмъ къ повторяющимся условіямъ реакціи.

Итакъ, наблюдаемая привычная реакція представляетъ изъ себя сочетаніе движеній, въ которомъ одновременно выступаютъ двѣ тенденціи: во-первыхъ, къ обособленію въ одну тѣсную, связную группу тѣхъ элементовъ реакціи, которые соотвѣтствуютъ ея повторяющимся условіямъ; во-вторыхъ, къ устраненію, подавленію всѣхъ прочихъ элементовъ, которые порождаются, вообще говоря, непостоянными частными условіями реакціи, биологически-неважными ¹⁾.

Такова внѣшняя характеристика привычной формы приспособленія, установленная нами на основаніи объективнаго наблюденія. Но привычная реакція есть сознательная реакція, извѣстная часть ея протекаетъ въ сферѣ сознанія; при неполной реакціи эта часть можетъ возникать въ отдѣльности, протекать, какъ особая форма сознанія (напр., какъ стремленіе). Имѣемъ ли мы право предположить соотвѣтствіе между

¹⁾ Если бы они не были такими, то повели бы къ созданію новой реакціи или значительному измѣненію прежней.

объективной стороной реакціи и субъективной, между формой ви́шнего движенія и формой сознанія? Имѣемъ ли основаніе на эту послѣднюю перенести характеристику, полученную для первой? Да, конечно, мы можемъ принять такое предположеніе. И оно совершенно подтверждается результатами самонаблюденія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, рассмотримъ, какъ образуется привычное представленіе.

Пусть дѣло идетъ о представленіи какого-нибудь часто встрѣчающагося данному лицу предмета, напр., наружности его знакомаго. Встрѣчая г-на А. одинъ, другой, третій разъ, человѣкъ каждый разъ получаетъ воспріятіе его наружности. Всѣ эти воспріятія въ высшей степени сходны между собою; изъ нихъ постепенно складывается привычная реакція сознанія. Воспроизводясь все легче и легче, она начинаетъ часто выступать и въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ на лицо главнаго изъ ея первоначальныхъ ви́шнихъ условій—присутствія г-на А.; но тогда она является уже въ видѣ менѣе полной реакціи—представленія. Однако, хотя воспріятія, изъ которыхъ развилаь данная форма сознанія, и весьма сходны между собою, все-же они не тождественны: сегодня наружность А. не совсѣмъ та, что вчера или завтра, благодаря измѣненіямъ его костюма, здоровья, настроенія, и т. д., да и воспринимающій аппаратъ—сѣтчатка, оптическіе центры, и т. д.—не всегда въ одинаковомъ состояніи, что вноситъ въ составъ акта сознанія еще новыя мелкія измѣненія. Такимъ образомъ, во всѣхъ повтореніяхъ даннаго воспріятія, кромѣ множества постоянныхъ элементовъ, не мало частныхъ варіацій,—и отъ одного повторенія остается не совсѣмъ такое представленіе, какъ отъ другого. Но въ привычномъ представленіи, которое создано изъ всѣхъ повтореній, всѣ общія, постоянныя черты наружности А. выдѣляются съ наибольшей интенсивностью, а черты непостоянныя, частныя, оставшіяся отъ отдѣльныхъ случаевъ воспріятія, являются все болѣе ослабленными, смѣшиваются и расплываются; онѣ мелькаютъ въ сознаніи только на моментъ, и тотчасъ подавляются, тогда какъ основныя, повторяющіяся черты становятся все отчетливѣе.

Слѣдовательно, и здѣсь имѣется психическая реакція съ двумя одновременными тенденціями: къ усиленію и выдѣленію въ одно цѣлое тѣхъ элементовъ, которые соотвѣтствуютъ постояннымъ условіямъ воспріятія, къ ослабленію и устраненію тѣхъ, въ которыхъ отражаются частныя, непостоянныя измѣненія этихъ условій. Привычное представленіе, какъ видимъ, есть психическій фактъ, вполне однородный съ привычной двигательной реакціей; и это вполне понятно, такъ какъ представленіе по существу и есть двигательная реакція, оборванная на срединѣ.

Ту двойную тенденцію, которая такъ характерна для обоихъ видовъ „привычныхъ“ психическихъ формъ, мы назовемъ, „тенденціей къ обобщенію“. Въ самомъ дѣлѣ, сущность ея въ томъ и заключается, чтобы успѣть и выдѣлить общіе элементы среди варіацій даннаго психическаго процесса, что и совершается путемъ устраненія частныхъ элементовъ. До конца тенденція, какъ показываетъ опытъ, никогда не доходитъ: съ общимъ всегда смѣшивается частное, какъ во внѣшнемъ движеніи, такъ и въ сознаніи.

Итакъ, при повтореніяхъ психическаго процесса съ относительно малыми варіаціями обнаруживается тенденція къ обобщенію, при чемъ психическая форма становится привычною.

Въ какой же связи стоитъ этотъ фактъ съ явленіями гармоніи формъ сознанія?

Отъ каждаго изъ такихъ однородныхъ воспріятій, какъ въ нашемъ примѣрѣ, остается, въ сущности, особое представленіе, но эти частныя представленія совпадаютъ въ такомъ громадномъ большинствѣ элементовъ, что для познанія сливаются въ одно. Наоборотъ, для представленій только гармонизирующихъ такого прямого сліянія не происходитъ: они совпадаютъ лишь въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, и не всегда одновременно выступаютъ въ сознаніи, а потому они познаются раздѣльно.

Пусть въ сознаніи встрѣтились два взаимно-гармонизирующихъ представленія А и А', напр., зрительные образы кошки и котенка. Въ обоихъ представленіяхъ есть совпадающіе элементы, которые соотвѣтствуютъ, положимъ, одинаковому контуру тѣла у кошки и котенка, одинаковой формѣ ихъ глазъ, когтей и т. д.; эти элементы, въ которыхъ заключается „сходство“ представленій, обозначимъ чрезъ α, β, γ ... Въ остальномъ представленія не совпадаютъ; этотъ рядъ „различій“ между ними составляютъ тѣ элементы обоихъ представленій, которые соотвѣтствуютъ, положимъ, неодинаковой величинѣ животныхъ, несходному цвѣту ихъ шерсти, глазъ, и т. д.; обозначимъ такіе элементы различія А черезъ α, β, γ ..., для А' — черезъ α', β', γ' ... Хотя совпадающія черты α, β, γ ... вполне или отчасти сливаются въ сознаніи, но образы въ цѣломъ остаются раздѣльными, благодаря тому, что между ними существуетъ множество различій, и что они не вполне одновременно возникаютъ и исчезаютъ въ сознаніи.

Теперь надо принять во вниманіе тотъ фактъ, что формы сознанія не обладаютъ полной, безусловной связностью; ихъ элементы не лишены нѣкоторой, хотя бы незначительной отдѣльности, живутъ до нѣкоторой, хотя бы минимальной степени, собственной жизнью. Психическій подборъ можетъ

быть болѣе благопріятенъ для однихъ элементовъ данной формы, менѣе благопріятенъ для другихъ, какъ то и наблюдается на каждомъ шагѣ въ развитіи психики. Между прочимъ, благодаря накопляющемуся дѣйствию психическаго подбора, въ процессѣ такъ называемаго привыканія, тѣ факты сознанія, которые чаще повторяются, приобрѣтаютъ, какъ мы знаемъ, большую жизнеспособность, большую интенсивность. Въ нашемъ примѣрѣ это, очевидно, относится къ элементамъ $\alpha, \beta, \gamma, \dots$, которые встрѣчаются въ двухъ представленіяхъ, а потому и повторяются вдвое чаще, чѣмъ остальные элементы, $\kappa, \mu, \nu, \dots$ или $\varphi, \chi, \psi, \dots$, изъ которыхъ каждый входитъ въ составъ только одного представленія. Стало быть, совпадающіе элементы $\alpha, \beta, \gamma, \dots$ должны оказываться болѣе устойчивыми, величина ихъ энергія должна оказаться относительно наибольшею.

Но образы, обыкновенно, недолго держатся въ сознаніи: они блѣднѣютъ и уступаютъ мѣсто другимъ, временно устранимые психическимъ и внутреннимъ подборомъ, чтобы потомъ снова выступить при соответственныхъ условіяхъ. Такое исчезновеніе образовъ изъ сознанія совершается постепенно, послѣдовательно. Все представленіе теряетъ свою интенсивность; но изъ его элементовъ первыми исчезаютъ во мракѣ безсознательнаго, очевидно, тѣ, которые и раньше были слабѣе другихъ, а потому легче достигаютъ того уровня, за которымъ прекращается различіе; элементы болѣе интенсивные, хотя и въ ослабленномъ видѣ, еще держатся нѣкоторое время въ сознаніи. Такъ, если исчезаетъ взятое въ нашемъ примѣрѣ представленіе A —зрительный образецъ кошки—то первыми скрываются элементы $\kappa, \mu, \nu, \dots$, въ которыхъ оно различаетъ A , дольше сохраняются $\alpha, \beta, \gamma, \dots$ —элементы сходства, какъ болѣе интенсивные; если дѣло идетъ о представленіи A' , то раньше ступеньваются $\varphi, \chi, \psi, \dots$, и уже послѣ нихъ тѣ же $\alpha, \beta, \gamma, \dots$. Наконецъ, если въ сознаніи одновременно блѣднѣютъ оба представленія, то сначала устраниаются элементы различія; а затѣмъ оставшіеся элементы сходства изъ того и другого представленія удерживаются тѣмъ дольше, что безъ элементовъ различія они необходимо сливаются вмѣстѣ, а это еще болѣе увеличиваетъ ихъ общую интенсивность. — Когда же представленія A и A' вновь возникаютъ въ сознаніи, то первыми выступаютъ все тѣ же $\alpha, \beta, \gamma, \dots$; на нихъ эта реакція сознанія можетъ и закончиться, если не произойдетъ дальнѣйшаго возрастанія интенсивности данныхъ образовъ.

Такъ совершается въ психикѣ, весьма постепенно, обособленіе элементовъ сходства въ гармонирующихъ фактахъ сознанія. Интенсивность и устойчивость этихъ элементовъ возрастаютъ, они выступаютъ на первый планъ—различаются ясно еще тогда, когда остальные элементы уже смѣши-

ваются и переходят въ безсознательное. Такой процесс обособленія и возрастанія интенсивности происходит тѣмъ въ большей степени, чѣмъ въ большемъ числѣ реакцій сознанія встрѣчаются данные элементы—чѣмъ болѣе „привычными“ они становятся по сравненію съ остальными.

Однако, полного обособленія никогда не происходитъ. Первоначальныя представленія A и A' соотвѣтствуютъ опредѣленнымъ воспріятіямъ, которыя возникаютъ при опредѣленныхъ конкретныхъ условіяхъ. Напротивъ, производное представленіе, сложившееся изъ элементовъ сходства $\alpha, \beta, \gamma \dots$, никакому отдѣльному воспріятію, никакимъ конкретнымъ условіямъ не соотвѣтствуетъ, а возникаетъ въ зависимости отъ A и A' . Поэтому оно является не обособленнымъ, а только обособляющимся представленіемъ; оно существуетъ лишь въ тенденціи: къ его основнымъ элементамъ всегда примѣшиваются менѣе интенсивные, неясные, смутные $\alpha, \mu, \nu \dots, \varphi, \chi, \psi \dots$ —элементы различія первичныхъ представленій. Устраненіе этихъ послѣднихъ также существуетъ лишь въ тенденціи.

Передъ нами, очевидно, та же тенденція къ обобщенію, которая была отмѣчена въ процессѣ образованія „привычныхъ“ формъ—усиленіе и обособленіе общихъ элементовъ различныхъ формъ сознанія, ослабленіе или устраненіе остальныхъ.

Вновь возникающая психическая форма слагается, собственно, изъ гармонизирующихъ представленій A и A' и тенденціи къ ихъ обобщенію, т. е. выдѣленію въ одно цѣлое ихъ совпадающихъ элементовъ съ подавленіемъ не-совпадающихъ. Обозначимъ эту новую форму, во всей ея сложности, терминомъ „обобщенное представленіе“ или просто „форма обобщенія“. Очевидно, такой же точно процессъ можетъ изъ нѣсколькихъ обобщенныхъ представленій создать новое, ихъ обобщающее, и т. д. Изъ формъ обобщенія перваго порядка получаются формы обобщенія второго порядка, далѣе третьяго, четвертаго... Если изъ образовъ всѣхъ видѣнныхъ нами воробьевъ сложилось одно обобщенное представленіе, изъ образовъ ласточекъ—другое, воронъ—третье и т. д.,—то всѣ эти формы обобщенія, благодаря ихъ совпаденію въ нѣкоторыхъ элементахъ, могутъ послужить матеріаломъ для формы высшаго порядка, обобщающей образы всѣхъ видѣнныхъ нами птицъ; а изъ нѣсколькихъ формъ такого типа можетъ возникнуть форма еще болѣе обобщенная, и т. д. При этомъ все болѣе будетъ возрастать число частныхъ представленій, составляющихъ матеріалъ формы обобщенія,—но все меньше будетъ становиться количество элементовъ совпаденія, выдѣляемыхъ обобщающей тенденціей; или, какъ обыкновенно говорятъ, будетъ увеличиваться

объемъ обобщенія и уменьшаться его содержаніе: оно будетъ становиться все отвлеченнѣе. ¹⁾

Одно и тоже представленіе можетъ, кромѣ того, входить въ составъ нѣсколькихъ различныхъ формъ обобщенія, существующихъ рядомъ, не подчиняясь одна другой. Такъ представленіе о зайцѣ входитъ одновременно, во-1), въ обобщенное представленіе о сѣдобныхъ животныхъ, во-2), въ обобщенное представленіе о животныхъ съ теплой шкуркой, въ-3), въ обобщенное представленіе о животныхъ дикихъ, и т. д. Одними элементами данное представленіе совпадаетъ и ассоціируется съ однимъ рядомъ представлений, другими съ другимъ рядомъ, и т. д., какъ одно лицо можетъ участвовать въ различныхъ обществахъ различными сторонами своей дѣятельности.

Очевидно, тенденція къ обобщенію должна имѣть какой-нибудь біологическій смыслъ, должна быть въ какомъ-нибудь отношеніи полезна для психическаго цѣлаго—иначе подборъ ее не поддержитъ, и пластика обобщенныхъ представлений не будетъ имѣть мѣста. Итакъ, для чего нужны формы обобщенія въ борьбѣ за жизнь психики?

Какъ было выяснено, міръ представлений имѣетъ не самостоятельное біологическое значеніе, Онъ можетъ быть понятъ только въ связи съ внѣшними движеніями организма и въ зависимости отъ нихъ. Всякое представленіе есть лишь моментъ въ развитіи какой-нибудь двигательной реакціи.

Обобщенное представленіе тѣсно связано, во-первыхъ, съ тѣми частными, изъ которыхъ оно образовалось, во-вторыхъ, обыкновенно, съ другими обобщенными представленіями, а значитъ и съ двигательными реакціями, съ которыми ассоціированы тѣ и другія представленія. Этимъ облегчается и быстрый переходъ отъ одного способа дѣйствія къ другому, и пластика, соединяющая элементы различныхъ дѣйствій. Напр., пусть у даннаго лица N съ образами людей А, В, С... связана реакція нападенія, съ образами X, Y, Z...—реакція бѣгства; первая группа частныхъ представлений объединяется обобщеннымъ представленіемъ о неопасномъ врагѣ, вторая—обобщеннымъ представленіемъ объ опасномъ врагѣ, та и другая вмѣстѣ—вышей формой обобщенія, представленіемъ о врагѣ вообще. Происходитъ встрѣча N съ А, первый нападаетъ на второго, но сверхъ ожиданія получаетъ отъ него жестокіе удары, причиняющіе страданіе. Отрицательный психическій подборъ обрываетъ реакцію нападенія, а вмѣстѣ

¹⁾ Замѣтимъ заранѣе, что обобщенное представленіе еще не есть „понятіе“.

Понятіе—фактъ болѣе сложный, и притомъ фактъ общественный; а нашъ анализъ идетъ пока все еще въ предѣлахъ индивидуальной, мысленно изолированной психики.

съ ней блѣднѣетъ и ассоціированное съ воспріятіемъ А обобщенное представленіе о неопасномъ врагѣ; но такъ какъ при посредствѣ высшаго обобщенія оно связано съ обобщеннымъ образомъ опаснаго врага, то легко совершается переходъ къ этому послѣднему; и психическій подборъ оказывается, конечно, благопріятенъ для такого перехода, потому что ощущение жестокихъ ударовъ особенно гармонируетъ съ представленіемъ объ опасномъ врагѣ. А разъ оно выступаетъ на сцену, съ нимъ вмѣстѣ является стремленіе къ бѣгству, которое и достигаетъ весьма быстро степени дѣйствія. Затѣмъ, во время бѣгства, когда исчезло впечатлѣніе ударовъ, психическій подборъ измѣняетъ свое направленіе, и въ зависимости отъ воспріятія А вновь возникаетъ стремленіе къ нападенію. Тогда изъ реакціи бѣгства и реакціи нападенія, которыя такимъ образомъ встрѣчаются между собою, можетъ при помощи психическаго подбора пластически выработаться новая форма дѣйствія, соединяющая элементы той и другой: отступленіе, соединенное съ попытками причинить вредъ врагу.

На приведенномъ примѣрѣ видно, какъ формы обобщенія могутъ быть полезны въ роли связующихъ звеньевъ между частными представленіями, а стало быть и между частными формами дѣйствій, какъ эти звенья облегчаютъ переходъ отъ одного способа дѣйствій къ другому, и пластику новыхъ реакцій. Конечно, описаніе психическихъ фактовъ дано здѣсь въ чрезвычайно сокращенномъ и упрощенномъ видѣ; но каждый можетъ въ личномъ опытѣ найти массу подтвержденій того, что именно таковы основныя, существенныя черты явленій.

Тенденція къ обобщенію простирается не только на представленія, но на всѣ психическія формы; и непосредственно двигательныя реакціи тоже обобщаются (какъ это уже отчасти показано на процессѣ образованія привычныхъ формъ дѣйствія). Напр., въ самыхъ различныхъ реакціяхъ борьбы имѣются одинаковые элементы: повышенный тонусъ произвольныхъ мускуловъ конечностей и туловища, усиленіе дѣятельности сердца, расширеніе периферическихъ сосудовъ, и т. д. Если опредѣленная частная реакція борьбы связана съ воспріятіемъ волка, другая, тоже частная, съ воспріятіемъ змѣи, третья—съ воспріятіемъ человѣка врага, и т. д., то обобщенная реакція борьбы соответствуетъ обобщенному представленію объ опасности. Пояснимъ это конкретнѣе.

Дикаря, отдыхающаго въ лѣсу, потревожилъ неопредѣленный шорохъ. Такой шорохъ ему и раньше приходилось слышать въ связи съ появленіемъ волка, или змѣи, или чужого человѣка, и т. д. Естественно, что и теперь воспріятіе шороха вызываетъ по ассоціаціи рядъ такихъ частныхъ пред-

ставлений; ни одно изъ нихъ не удерживается прочно въ сознаниі, потому что дикарь никого еще не видитъ; образы мелькаютъ и исчезаютъ; но остается обобщенное представленіе опасности, а съ нимъ выступаетъ и обобщенная реакція борьбы: дикарь вскочилъ, схватилъ оружіе, наклонился въ сторону шороха, его мускулы напряжены, кровь отъ внутреннихъ органовъ прилила къ периферіи... Какой бы врагъ ни показался, переходъ къ частнымъ реакціямъ борьбы совершается теперь съ наибольшей быстротой и съ наименьшей затратой энергіи, гораздо быстрее и легче, чѣмъ при состояніи покоя. Такимъ образомъ является возможность послѣдовательнаго приспособленія къ измѣняющимся условіямъ, которое отъ неопредѣленной и обобщенной реакціи въ сферѣ сознанія и въ сферѣ вѣшняго движенія идетъ къ опредѣленной и частной. Нетрудно понять, насколько выгодна такая организація двигательныхъ приспособленій.

Чѣмъ дальше идетъ процессъ обобщенія, тѣмъ шире становятся ассоціативныя связи представлений; и въ то же время тѣмъ благопріятіе дѣлаются условія для психической пластичности: приспособленіе къ новымъ, не пережитымъ раньше условіямъ достигается при участіи все большаго числа психическихъ формъ, и формъ все болѣе разнообразныхъ.—При томъ обобщенное представленіе и связанная съ нимъ обобщенная вѣшняя реакція соотвѣтствуютъ болѣе постояннымъ, болѣе часто повторяющимся элементамъ вѣшнихъ условій, и потому весьма нерѣдко могутъ цѣлкомъ, безъ варіацій входить въ составъ новыхъ пластичныхъ формъ; а это опять таки ведетъ къ сбереженію энергіи организма, той психической энергіи, которая иначе должна тратиться на отрицательный подборъ и варіированіе привычныхъ реакцій, являющихся матеріаломъ для пластичности.

Можетъ быть, наиболѣе яркій примѣръ полезнаго значенія обобщенныхъ формъ представляетъ работа изобрѣтателя. Какъ въ сознаніи, такъ и вѣ его происходитъ въ высшей степени сложная, интенсивная и продолжительная работа пластичности. Что было бы съ изобрѣтателемъ, если бы онъ, обдумывая устройство своей машины, не пользовался обобщенными представленіями, если бы вмѣсто того, чтобы вообразать себѣ винтъ вообще, зубчатое колесо вообще, онъ имѣлъ бы въ своемъ сознаніи только конкретный образъ такого-то отдѣльнаго, тогда-то имъ видѣннаго винта, такого-то и тогда-то видѣннаго зубчатого колеса? Работа стала бы до безконечности сложна, въ дѣйствительности прямо невозможна.

То же самое, въ той или иной степени, примѣнимо почти ко всякому случаю психической пластичности.

б) Процессъ различенія.

Сознаніе вообще, какъ выяснялось въ предыдущемъ, представляетъ изъ себя процессъ различенія условий жизненной борьбы, различенія, въ конечномъ счетѣ, по ихъ пользѣ и вреду для психики, по степени того и другого.

Процессъ обобщенія выражаетъ собою основную тенденцію, наблюдаемую въ развитіи сознанія: на основѣ гармоніи между частными формами сознанія создается ассоціативная связь, которая, непрерывно развертываясь, стремится охватить всю сознательную психику.

Но изъ этой основной тенденціи возникаетъ другая, производная, которая также имѣетъ существенное значеніе. Она въ извѣстномъ смыслѣ противоположна первой, и выражается въ процессѣ различенія формъ сознанія. Такъ какъ, за неимѣніемъ другого, здѣсь приходится примѣнить тотъ же терминъ „различеніе“, который составляетъ характеристику сознанія вообще, то надо особенно имѣть въ виду, что дѣло идетъ теперь о различеніи формъ сознанія, уже сложившихся и объединенныхъ связью обобщенія.

Какъ было выяснено, представленіе есть неполная психическая реакція, неполная даже въ сферѣ сознанія. Болѣе полная форма сознанія получается тогда, когда представленіе выступаетъ въ неразрывной связи со стремленіемъ. Последнее является непосредственнымъ продолженіемъ перваго, какъ возбужденіе двигательныхъ центровъ коры есть продолженіе такого же состоянія центровъ чувствительныхъ. Зрительное представленіе симпатичнаго существа неразрывно связано у ребенка со стремленіемъ ласкать это существо; взятые въ своей связи оба факта сознанія, представленіе и стремленіе, могутъ разсматриваться, какъ одна форма сознанія, болѣе полная, болѣе цѣльная, чѣмъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности ¹⁾.

Условіемъ гармоніи двухъ формъ сознанія, какъ мы видѣли, является совпаденіе нѣкоторыхъ элементовъ обѣихъ формъ, условіемъ противорѣчія— прямая противоположность ихъ энергетическихъ элементовъ, или, по крайней мѣрѣ, значительное преобладаніе различій надъ совпаденіями, при чемъ формы сознанія неизбежно конкурируютъ между собою.

Если такъ, то гармонія или противорѣчіе двухъ формъ сознанія могутъ представляться не въ одинаковомъ видѣ, смотря по тому, выступаютъ ли эти формы въ болѣе полныхъ или менѣе полныхъ реакціяхъ сознанія. Два представленія сами по себѣ, положимъ, взаимно гармонируютъ, такъ какъ

¹⁾ Если одно и то же представленіе выступаетъ въ связи съ различными стремленіями, то, очевидно, дѣло идетъ о различныхъ формахъ сознанія.

въ нихъ достаточно элементовъ совпаденія; но являясь въ сознаниі вмѣстѣ съ тѣми стремленіями, которыя съ ними связаны, они вдругъ оказываются во взаимномъ противорѣчіи, потому что противорѣчіе стремлений превѣшиваетъ гармонію представленій. Напр., зрительные образы друга *A* и врага *B* могутъ имѣть много элементовъ совпаденія, такъ что ихъ гармонія довольно значительна; но когда въ сознаниі встрѣчаются съ одной стороны образъ *A* въ соединеніи со стремленіемъ выразить дружеское привѣтствіе, съ другой стороны образъ *B*—со стремленіемъ начать борьбу, то ихъ отношеніе становится довольно интенсивнымъ противорѣчіемъ. А такой случай нерѣдко встрѣчается на практикѣ. Вы видите, положимъ, вдали человека, котораго не можете разглядѣть; неясное воспріятіе вызываетъ въ нашемъ сознаниі одновременно и представленіе о другѣ *A*, и представленіе о врагѣ *B*; такъ какъ эти два образа являются здѣсь вмѣстѣ съ соотвѣтственными стремленіями, которыя находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи, то всякая гармонія образовъ совершенно ступшевывается, и ихъ соединеніе порождаетъ уже чувство противорѣчія, степень котораго будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ значительнѣе энергія обоихъ стремлений. При этомъ каждая изъ конкурирующихъ формъ сознанія усиливается за счетъ другой, и обратно; сознаніе какъ-бы колеблется между ними: становится интенсивнѣе образъ *A*—блѣднѣетъ образъ *B*; возрастаетъ интенсивность *B*—ослабляется *A*.

Когда, такимъ образомъ, два сходныхъ представленія выступаютъ во взаимномъ противорѣчіи, то очевидно, что элементы ихъ совпаденія теряютъ непосредственное біологическое значеніе; наоборотъ, элементы различія приобрѣтаютъ особенную важность. Когда машинистъ вглядывается въ сигналъ, чтобы въ зависимости отъ него остановить поѣздъ или прибавить ходу, то для него не является въ этотъ моментъ непосредственно важнымъ полное сходство краснаго и зеленаго флага во всемъ, кромѣ цвѣта: хотя въ образахъ того и другого сигнала совпадаютъ элементы α , β , γ , δ , и т. д., но какъ разъ отъ единственнаго не совпадающаго элемента φ или ψ зависитъ образъ дѣйствій машиниста.

При такихъ условіяхъ, разумѣется, невозможно соединеніе образовъ по типу формъ обобщенія: усиленіе совпадающихъ элементовъ, которые непосредственно неважны, и подавленіе элементовъ различія, которые имѣютъ наибольшее непосредственное значеніе, было бы въ высшей степени нецѣлесообразно. Наболѣе подходящимъ приспособленіемъ является при этомъ пзмѣненіе какъ разъ въ противоположную сторону—къ ослабленію въ сознаніи элементовъ сходства и къ увеличенію интенсивности элементовъ

различія. Такого рода тенденція и осуществляется въ формахъ различія.

Форма различія есть такое сочетание двухъ образовъ сознанія, въ которомъ элементы различія образовъ выступаютъ съ возрастающей интенсивностью, элементы сходства—съ убывающей. Формы различія играютъ громадную роль въ жизни психики. На каждомъ шагу человѣкъ, имѣя дѣло съ двумя сходными воспріятіями или представленіями, „обращаетъ вниманіе“ не на ихъ сходство, а на различіе, что какъ разъ и означаетъ тотъ процессъ, который выступаетъ въ формахъ различія (форма обобщенія, наоборотъ, получается въ томъ случаѣ, если „вниманіе обращено“ на элементы совпаденія фактовъ сознанія).

Я наѣбенно употребилъ здѣсь психологическій терминъ „вниманіе“, терминъ, безъ котораго, какъ-будто, можно было бы обойтись. Дѣло въ томъ, что изслѣдованія психофизиологовъ относительно вниманія до извѣстной степени выясняютъ механизмъ тѣхъ процессовъ подбора, которыми создаются формы обобщенія и различія.

Актъ вниманія характеризуется тѣмъ, что, во-первыхъ, извѣстные факты сознанія выступаютъ съ возрастающей яркостью, и во-вторыхъ, чувствуется въ то же время нѣкоторое неопредѣленное напряженіе, подобное усилю при мускульной работѣ ¹⁾).

Господствующія теоріи вниманія, основываясь частью на общихъ аналогіяхъ, частью на точныхъ экспериментальныхъ данныхъ, видятъ его сущность въ двигательныхъ реакціяхъ. При этомъ главная роль приписывается однимъ сосудодвигательнымъ измѣненіямъ, именно—расширенію сосудовъ, питающихъ дѣятельныя въ данный моментъ клѣтки мозга ²⁾, другими—усиленію тѣхъ двигательныхъ реакцій, которыя непосредственно входятъ въ составъ даннаго акта сознанія ³⁾. Наболѣе вѣроятно, что въ актѣ вниманія неразрывно связаны тѣ и другія измѣненія: усиленіе дѣятельности какихъ бы то ни было органовъ обыкновенно соединяется съ расширеніемъ

¹⁾ Это напряженіе или усиліе можетъ имѣть произвольный или произвольный характеръ, на основаніи чего и различаютъ „волевое“ и „рефлекторное“ вниманіе (между обѣими формами существуютъ переходныя).

²⁾ Къ этому Меунеръ присоединяетъ одновременное измѣненіе въ химизмъ обѣихъ веществъ, измѣненіе, благодаря которому повышается питаніе дѣятельныхъ элементовъ.

³⁾ Не знаю, пало ли здѣсь напоминать читателю, что въ каждомъ „воспріятіи“ и „представленіи“ фактически существуютъ и чисто двигательные элементы—опредѣленные мускульныя сокращенія и соответственныя „стремленія“.

ихъ сосудовъ; повышенное, благодаря этому, питаніе дѣятельныхъ элементовъ нервной системы ведетъ къ возрастанію энергіи разыгрывающагося въ нихъ акта сознанія, что, въ свою очередь, обуславливаетъ усиленіе двигательныхъ реакцій, входящихъ въ составъ этого акта; то и другое необходимо увеличиваетъ яркость, интенсивность образовъ сознанія, — а второе, въ частности, объясняетъ намъ происхожденіе того чувства успія, которое неразлучно съ актомъ вниманія.

Нетрудно понять значеніе обѣихъ сторонъ акта вниманія для того процесса различенія, который мы рассматривали. Самое происхожденіе формъ различенія основывается, какъ мы видѣли, на усиленіи тѣхъ полныхъ и неполныхъ двигательныхъ реакцій, которыя біологически объединяются съ различными представленіями; и въ актѣ вниманія какъ разъ выступает такое усиленіе реакцій. Въ то же время возрастаніе интенсивности элементовъ различія вмѣстѣ съ ослабленіемъ элементовъ совпаденія въ образахъ сознанія легко можетъ достигаться сосудодвигательными измѣненіями, повышеннымъ питаніемъ однихъ нервныхъ элементовъ рядомъ съ пониженнымъ питаніемъ другихъ.

Сравнивая форму обобщенія съ формой различенія, мы приходимъ къ такимъ выводамъ о связи и различіяхъ между тѣми и другими.

1) Во-первыхъ, форма различенія всегда — производное отъ формы обобщенія. Гдѣ имѣются два факта сознанія во взаимно-противорѣчивомъ отношеніи, а элементовъ совпаденія, или, что то же, элементовъ обобщенія нѣтъ, тамъ существуетъ противорѣчіе въ сознаніи, но нѣтъ формы различенія. Въ ней могутъ объединяться только сходныя представленія, которыя при другихъ условіяхъ выступаютъ, какъ матеріалъ формы обобщенія. Въ психикѣ часто возникаютъ такія формы различенія, въ которыхъ соединяются, напр., образы двухъ людей, двухъ родственныхъ между собою животныхъ и т. д.; но лишь рѣдко создаются и почти не имѣютъ значенія такія формы различенія, въ которыхъ между представленіями очень мало сходства; сопоставленіе, напр., созвѣздія Вольшого Пса съ обыкновенной собакою въ большинствѣ случаевъ покажется прямо нелѣпымъ.

2) Во-вторыхъ, основное различіе формъ обобщенія и формъ различенія заключается въ противоположности тенденцій сознанія: въ первомъ случаѣ тенденція направлена къ возрастанію интенсивности элементовъ совпаденія и къ ослабленію элементовъ различія; во второмъ — наоборотъ. Благодаря этому, конкуренція представленій наблюдается гораздо рѣзче тогда, когда они связываются въ форму различенія, когда на первый планъ выступаютъ элементы различія, т. е. конкурирующие элементы образовъ: весьма легко

замѣтить, что при такихъ условіяхъ, съ возрастаніемъ интенсивности одного изъ сопоставляемыхъ образовъ, блѣднѣетъ другой, и наоборотъ, причемъ обыкновенно наблюдается рядъ колебаній въ ту и въ другую сторону. Если же одно изъ представленій исчезаетъ изъ сознанія совсѣмъ, то, конечно, формы различенія уже нѣтъ ¹⁾).

Въ-третьихъ, ни для процесса обобщенія, ни для процесса различенія не приходится наблюдать, чтобы ихъ тенденція доводилась до конца, до полного уничтоженія элементовъ различія въ обобщеніи, элементовъ сходства въ различеніи. Тѣ и другіе ослабляются и лишь смутно мелькаютъ въ сознаніи, отчасти совсѣмъ исчезаютъ, но никогда всѣ сразу не устраняются вполне. Ни чистыхъ обобщеній, ни чистыхъ различеній не бываетъ въ сознаніи; ибо не бываетъ такихъ конкретныхъ условій, которыми тѣ или другія могли бы вполне соответствовать: условія повторяющіяся, которымъ соответствуютъ элементы сходства въ представленіяхъ, всегда сопровождаются условіями непостоянными, отраженіемъ которыхъ служатъ элементы различія; и наоборотъ, различіе условій никогда не бываетъ безусловнымъ, но всегда сопровождается большимъ или меньшимъ сходствомъ.

Біологическая роль формъ различенія отчасти видна уже изъ приведенныхъ нами примѣровъ. Онѣ служатъ для установленія связи между такими двигательными реакціями, которыя, хотя и вызываются сходными до извѣстной степени условіями, однако значительно различаются между собою, или находятся даже въ прямомъ противорѣчій. Форма различенія въ сознаніи составляетъ одно цѣлое съ формой различенія во внѣшнихъ движеніяхъ организма. Приспособленіе это выступаетъ на сцену тогда, когда изъ цѣлаго ряда условій измѣняются лишь нѣкоторыя, и при этомъ возникаетъ необходимость въ существенномъ измѣненіи характера внѣшнихъ движеній организма. Такъ, въ медицинской практикѣ есть случаи, когда съ минимальнымъ, не для всякаго наблюдателя доступнымъ, измѣненіемъ симптомовъ болѣзни связано радикальное измѣненіе всего образа дѣйствій врача.

Формы различенія имѣютъ, далѣе, большое значеніе для пластики психическихъ приспособленій тѣсно: связывая весьма несходныя внѣшнія реакціи, онѣ даютъ, такимъ образомъ, достаточно разнообразный матеріалъ для

¹⁾ Напр., когда диکارь, видя издали животное, не можетъ его разглядѣть и колеблется между воспріятіями волка и собаки, то въ его сознаніи сохраняется форма различенія двухъ представленій. Но какъ только онъ ясно разглядѣлъ волка, форма различенія становится бесполезною, и представленіе о собакѣ совсѣмъ устраняется изъ сознанія.

образования новыхъ реакцій. Такъ, при затруднительной діагностикѣ и серьезномъ положеніи больного, врачъ нерѣдко вынужденъ изъ двухъ различныхъ способовъ воздѣйствія на организмъ, связанныхъ одной „формой различенія“, составлять новый планъ лѣченія, который бы по возможности въ обоихъ случаяхъ оказался полезенъ, и во всякомъ случаѣ не принесъ бы значительнаго вреда.

Одна форма различенія нерѣдко оказывается сходною съ другой формой различенія; и это во многихъ случаяхъ можетъ быть полезно для психической пластики. Такъ, напр., на знакомыхъ намъ лицахъ мы научаемся различать доброе и злое выраженіе, при чемъ нашъ образъ дѣйствія измѣняется сообразно съ тѣмъ или другимъ; попавши въ среду людей другого класса, другой націи, расы—вообще, иного физическаго и психическаго типа, мы, несмотря на несходство ихъ лицъ съ тѣми, которыя намъ привычны, находимъ на нихъ приблизительно тѣ же различія выраженія; и хотя весь образъ дѣйствій въ прежней и новой обстановкѣ окажется у насъ далеко не одинаковъ, однако различія нашихъ отношеній къ людямъ добродушнаго и злобнаго вида будутъ приблизительно одинаковы. Здѣсь сходство формъ различенія позволитъ намъ удачно измѣнять образъ дѣйствій въ новыхъ условіяхъ.

Процессъ обобщенія и процессъ различенія составляютъ два послѣдовательныхъ момента въ процессѣ *сравненія* образовъ сознанія. Изъ обоихъ моментовъ первичнымъ является, какъ было выяснено, актъ обобщенія; актъ различенія всегда его предполагаетъ, ибо только сходные образы входятъ въ форму различенія. Это подтверждается и опытами психофизиологовъ; такъ, по точнымъ измѣреніямъ Н. Ланге, сознаніе сходства двухъ фигуръ въ воспріятіи требуетъ меньше времени, чѣмъ сознаніе различія: первый случай есть образованіе элементарной формы обобщенія, второй—образованіе элементарной формы различенія.

с) Монистическая тенденція въ развитіи сознанія.

Назначеніе психическаго аппарата заключается въ томъ, чтобы непрерывно приспособлять организмъ къ измѣняющимся условіямъ его жизненной борьбы. Это достигается тѣмъ въ большей степени, чѣмъ богаче и разнообразнѣе накопленный запасъ психическихъ приспособленій, и чѣмъ тѣснѣе ихъ взаимная связь, чѣмъ гармоничнѣе ихъ совмѣстная дѣятельность.

Послѣднее условіе врядъ ли менѣе важно, чѣмъ первое; степень его значенія нетрудно понять даже а priori. Чѣмъ въ большей мѣрѣ вся психика

принимаетъ участіе въ выработкѣ приспособленія къ новымъ условіямъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ возникшее приспособленіе окажется приспособленіемъ для всей психики. Напротивъ, когда лишь незначительная часть психического аппарата независимо отъ остальныхъ создаетъ новое приспособленіе, то это послѣднее легко можетъ оказаться въ жизненномъ противорѣчій съ другими сложившимися приспособленіями; тогда устраненіе однихъ вредныхъ вліяній влечетъ за собой другія. Всякому изъ личнаго опыта извѣстно, насколько несовершенныя создаются обыкновенно приспособленія, когда человѣкъ дѣйствуетъ на основаніи немногихъ представившихся соображеній, т. е. примѣняетъ въ пластикѣ лишь незначительную часть своего психического матеріала.

Міръ сознанія есть область психической пластики по преимуществу, и въ то же время это область наибольшаго объединенія психическихъ формъ. Объединеніе достигается путемъ непрерывно развертывающихся процессовъ обобщенія и различенія.

Прогрессивный процессъ обобщенія заключается въ томъ, что изъ обобщеній перваго порядка создаются обобщенія второго порядка, изъ этихъ — обобщенія третьяго порядка, и т. д. При этомъ достигается высшая степень связности при наименьшемъ количествѣ непосредственныхъ ассоціативныхъ связей, для которыхъ необходимы особыя проводящіе пути. Пусть, напр., въ психикѣ имѣется миллионъ представленій. Если бы всѣ они были связаны каждое съ каждымъ безъ посредства обобщеній, то, какъ нетрудно вычислить, потребовалось бы 500,000 миллионныхъ прямыхъ ассоціативныхъ связей (въ чемъ бы онѣ фізіологически и анатомически ни заключались). Но пусть представленія группируются по 10 въ одно обобщеніе 1-го порядка, эти по 10 въ обобщеніе 2-го порядка, и т. д.; тогда, предполагая даже прямые связи въ предѣлахъ cadaго обобщенія между всѣми его элементами, получится, по расчету, меньше $6\frac{1}{2}$ миллионныхъ непосредственныхъ связей; а посредственно, черезъ формы обобщенія, всѣ представленія окажутся взаимно связанными между собою. Цифры, положенныя въ основу нашей иллюстраціи, конечно, вполне фантастичны; но общій смыслъ фактовъ онѣ могутъ выразить, очевидно, настолько же вѣрно, какъ и всякія другія.

Прогрессивный процессъ обобщенія шагъ за шагомъ сводитъ всѣ частныя представленія къ одному, наиболѣе общему. Это, конечно, только тенденція; и осуществиться исторически съ извѣстной полнотой она можетъ не въ раз-

витіи индивидуальной психики, а въ громадномъ ряду поколѣній видового, индивидуальнаго и общественнаго развитія ¹⁾).

Въ общемъ, прогрессивный ходъ процесса обобщенія основывается на его несомнѣнной пользѣ для сохраненія и развитія психической жизни; всеобщій подборъ долженъ постоянно поддерживать эту тенденцію. Ближайшимъ же образомъ для нея долженъ являться особенно благоприятнымъ психическій подборъ, именно въ силу того, что процессъ обобщенія основывается на гармоніи фактовъ сознанія. Съ одной стороны, гармонія частныхъ представленій есть условіе ихъ обобщенія; съ другой стороны, само обобщеніе находится въ отношеніяхъ гармоніи съ каждымъ изъ подчиненныхъ ему частныхъ представленій (благодаря совпаденію въ обобщенномъ и въ частномъ представленіи именно тѣхъ элементовъ, которые составляютъ сущность обобщенія). А такъ какъ гармонія означаетъ одинъ изъ видовъ положительнаго психическаго подбора, то благодаря ей каждое разъ сложившееся обобщеніе поддерживается и упрочивается среди психики ²⁾).

Рядомъ съ процессомъ обобщенія идетъ процессъ различенія. Каждой формѣ обобщенія обыкновенно соотвѣтствуетъ множество формъ различенія: изъ каждой пары тѣхъ представленій, которыя—нерѣдко въ очень большомъ числѣ—объединены въ данномъ обобщеніи, можетъ сложиться особая форма различенія. Будучи производнымъ отъ формы обобщенія, форма различенія сопровождается ее въ сознаніи, какъ послѣдующій моментъ одного процесса сравненія.

Обобщенныя представленія, группируясь въ обобщеніи высшаго порядка, служатъ матеріаломъ для новыхъ формъ различенія, точно такимъ же образомъ, какъ частныя представленія. Но съ другой стороны и формы различенія, соединяясь по сходству, становятся матеріаломъ обобщающаго процесса. Обобщенные образы человѣка и гориллы могутъ составить одну

¹⁾ Какъ будетъ показано въ дальнѣйшемъ, осуществляетъ эту тенденцію, главнымъ образомъ, общественное развитіе (въ сферѣ познанія).

²⁾ Чтобы правильно оцѣнить значеніе этой формы подбора вообще, и основаннаго на ней процесса обобщенія въ частности, надо принять во вниманіе слѣдующее. Неприиспособленность, порождаемая въ каждомъ частномъ случаѣ противорѣчіемъ двухъ встрѣчающихся актовъ сознанія, можетъ быть очень незначительна, происходящая при этомъ безполезна растрата нервной энергіи—очень ничтожна; но оди и тѣ же комбинаціи актовъ сознанія повторяются въ жизни человѣка тысячи, десятки, сотни тысячъ разъ; суммируясь, ничтожныя различія въ затратахъ энергіи могутъ стать очень велики, и обусловить сравнительно большую неприиспособленность. Поэтому устраненіе противорѣчій въ сознаніи имѣетъ большое жизненное значеніе,—и, конечно, тѣмъ большее, чѣмъ обыденнѣе, чѣмъ чаще повторяются тѣ факты сознанія, которыя стоятъ въ про-

форму различія; наоборотъ, изъ представленія о различіяхъ человѣка и гориллы, льва и кошки, слона и свиньи можетъ сложиться обобщенное представленіе о различіяхъ родственныхъ группъ организмовъ.

Возникающая такимъ путемъ система формъ обобщенія и различенія никогда не достигаетъ законченности, никогда не приходитъ къ устойчивому равновѣсію. Это сложный, измѣнчивый комплексъ психическихъ процессовъ, въ которомъ болѣе или менѣе отчетливо выдѣляются только опредѣленные тенденціи развитія: въ каждой формѣ обобщенія—тенденція къ обособленію совпадающихъ элементовъ болѣе частныхъ формъ сознанія и къ устраненію элементовъ несовпадающихъ; въ каждой формѣ различенія—наоборотъ; въ общей системѣ сознанія—тенденція къ прогрессивному обобщенію и различенію.

Всякое новое воспріятіе или представленіе, сплюснъ вещей брошенное въ міръ сознанія, временно разстраиваетъ эту систему (поскольку она сложилась). Затѣмъ происходитъ взаимное приспособленіе „старого порядка“ и новыхъ элементовъ; возникшія противорѣчія устраняются въ процессѣ подбора, нерѣдко унося съ собою много установившихся, издавна существовавшихъ формъ.

Разсмотримъ на конкретныхъ примѣрахъ, какъ совершается такой процессъ приспособленія.

Человѣкъ, у котораго имѣется сложившееся обобщенное представленіе о кошкѣ, встрѣчаетъ новый, раньше имъ не видѣнный экземпляръ этой породы. Тутъ процессъ приспособленія совершается быстро и легко. Такъ какъ новое воспріятіе довольно точно воспроизводитъ тѣ условія, при которыхъ раньше много разъ возникало въ психикѣ обобщенное представленіе о кошкѣ, то оно и въ данномъ случаѣ немедленно выступаетъ въ сознаніи; возникающее изъ новаго воспріятія частное представленіе оказывается въ гармоніи съ формой обобщенія, вступаетъ въ ея ассоціативную связь рядомъ съ другими частными представленіями, и далѣе сохраняется въ этой связи, какъ одно изъ обобщаемыхъ, подчиненныхъ представленій. Будучи такимъ образомъ „подведена“ подъ старое обобщеніе, новая форма сознанія не вызываетъ уже въ психикѣ никакой неприспособленности, напротивъ, съ этимъ расширеніемъ круга объединяемыхъ представленій само обобщеніе упрочивается въ сознаніи.

Конечно, въ новомъ воспріятіи есть и такія—хотя бы незначительныя—

творѣчіи. Такимъ образомъ тенденція къ обобщенію представляетъ большія непосредственныя выгоды для психики.

особенности, какія не встрѣчались въ прежнихъ воспріятіяхъ. Благодаря этому, изъ вновь образованнаго представленія и прежнихъ, связанныхъ въ обобщеніи, можетъ возникнуть цѣлый рядъ новыхъ формъ различенія, и онѣ въ свою очередь могутъ послужить матеріаломъ для дальнѣйшаго обобщенія и различенія.

Европейскіе путешественники привозятъ кошку на одинъ изъ острововъ Полинезій, гдѣ до этого времени изъ млекопитающихъ водились только крысы и летучія мыши. Въ психикѣ туземцевъ воспріятіе никогда не виданнаго животного порождаетъ вначалѣ нѣкоторую неприспособленность, которая выражается въ чувствахъ удивленія, недоумѣнія. Психическій подборъ стремится устранить эту неприспособленность, что можетъ достигаться различными способами. Напр., новое воспріятіе находится въ нѣкоторой гармоніи со старымъ обобщеннымъ представленіемъ о крысѣ, и легко можетъ случиться, что вначалѣ оно и будетъ „подведено“ подъ это послѣднее. Правда, въ новомъ воспріятіи не хватаетъ нѣкоторыхъ элементовъ совпаденія, имѣющихся въ обобщеніи,—есть, можетъ быть, даже элементы прямо противорѣчающіе этимъ послѣднимъ; ¹⁾ но недостающее можетъ быть дополнено, излишнее устранено психической пластикой (такая пластика происходитъ постоянно, а иногда, совершаясь въ чрезмѣрныхъ размѣрахъ, порождаетъ такъ называемыя „иллюзіи“). Однако, благодаря повтореніямъ новаго воспріятія, представленіе о кошкѣ пріобрѣтаетъ съ теченіемъ времени больше точности и опредѣленности; тогда противорѣчіе этого представленія съ обобщеніемъ, подъ которое оно подведено, начинаетъ сильно чувствоваться. Огрицательный психическій подборъ, связанный съ чувствомъ противорѣчія, разрушаетъ прежнюю прямую связь новаго представленія съ другими частными представленіями, входящими въ старую форму обобщенія; такимъ образомъ представленіе это отдѣляется отъ обобщенія. Но такъ какъ между тѣмъ и другимъ все-таки имѣются налицо нѣкоторые элементы совпаденія, то они вмѣстѣ входятъ въ новую форму обобщенія высшаго порядка, и образуютъ также новую форму различенія. Та и другая должны приспособиться къ другимъ близкимъ формамъ обобщенія и различенія, вступить въ такую или иную связь съ ними, и т. д., пока вся система представлений не возвратится къ относительному равновѣсію.

Въ иныхъ случаяхъ ломка старыхъ психическихъ формъ, обусловленная

¹⁾ Особенно легко можетъ оказаться противорѣчіе между нѣкоторыми двигателями и элементами стараго обобщенія и новаго воспріятія (мы знаемъ, что въ воспріятіяхъ и представленіяхъ всегда фактически существуютъ двигательные элементы).

вторженіемъ новыхъ, оказывается гораздо болѣе значительной, затрагиваетъ сразу многія области міра представленій и стремленій. Этой ломкѣ всегда предшествуютъ попытки психики приспособиться болѣе легкимъ и непосредственнымъ путемъ—подведеніемъ новаго подъ старое; и нерѣдко долгое время въ новыхъ представленіяхъ элементы противорѣчія со старыми устраняются подборомъ, а элементы недостающіе для полной гармоніи дополняются посредствомъ пластики ¹⁾. Нужно продолжительное и повторяющееся воздѣйствіе новыхъ вліяній, чтобы разрушить консерватизмъ старыхъ формъ психики, которыя „борются за свое существованіе“, какъ все живущее.

До какой степени значителенъ при извѣстныхъ условіяхъ этотъ консерватизмъ сложившейся системы сознанія, показываютъ тѣ поразительно нелѣпыя (на нашъ взглядъ) подведенія новаго подъ старое, которыя наблюдались, напр., при первыхъ встрѣчахъ низшихъ расъ съ европейцами. У индѣйцевъ Вестъ-Индіи бѣлые люди первоначально подводились подъ сложившееся представленіе о богахъ, неграмъ, напротивъ, они казались чертями; австрайлцы у рѣки Меррея принимали воловъ за женъ европейскихъ колонистовъ, и это основывалась на томъ сходствѣ, что волы везли на себѣ багажъ колонистовъ, какъ жены дикарей носятъ въ путешествіяхъ ихъ имущество, и т. под.

То потрясеніе, которое психика испытываетъ при вторженіи въ нее новыхъ впечатлѣній, и которое вызываетъ въ ней внутреннія перегруппировки, пластику и т. д., выражается прежде всего въ эмоціяхъ удивленія, изумленія, недоумѣнія; это—сложныя эмоціи, главную составную часть которыхъ представляетъ интенсивное чувство противорѣчія. Интенсивное чувство означаетъ энергичную, усиленную дѣятельность психическаго подбора; и по мѣрѣ того какъ приспособленность восстанавливается этой дѣятельностью, эмоція ослабѣваетъ.

Чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе новыя вліянія, тѣмъ болѣе глубокія измѣненія вызываютъ они въ сложившейся системѣ сознанія; но въ значительной мѣрѣ это зависитъ отъ строенія системы, отъ степени ея прочности и устойчивости. Въ однихъ случаяхъ старыя формы упорнѣе борются за свою жизнь, въ другихъ онѣ легче уступаютъ мѣсто новымъ, въ третьихъ приспособленность совсѣмъ не восстанавливается, и система сознанія дезорганизуется (напр., при „сумасшествіи“). Въ пнхъ случаяхъ старыя формы,

¹⁾ Такого рода пластику, которая вноситъ въ представленіе то, чего нѣтъ въ воспріятіи, или вообще создаетъ представленія, не имѣющія соответственныхъ воспріятій, называютъ дѣятельностью воображенія.

несмотря на свое противорѣчіе съ новыми впечатлѣніями, держатся, медленно измѣняясь, въ теченіе цѣлыхъ поколѣній. Нерѣдко отъ старыхъ формъ остаются кое-какіе обрывки, нарушая единство преобразованной психики и ея внутреннюю гармонію, какъ чуждое тѣло среди живыхъ тканей. Все это хорошо извѣстно каждому, кто сколько-нибудь внимательно наблюдалъ себя и другихъ. Въ подобныхъ явленіяхъ обнаруживается относительная отдѣльность и самостоятельность частей человѣческой психики. Отдѣльность эта можетъ переходить въ прямое жизненное противорѣчіе, и на каждомъ шагу гибель частей необходима для развитія цѣлаго.

Но такая отдѣльность все въ большей мѣрѣ устраняется прогрессивнымъ процессомъ обобщенія и различенія. Оба эти процесса стремятся установить наибольшее единство, наибольшую связность психики, первый — соединяя въ сознаніи сходное, второй — соединяя несходное. Въ совокупности они составляютъ процессъ взаимнаго приспособленія формъ сознанія, или, какъ его удобно будетъ назвать, процессъ психической координаціи. Эта сторона психической пластичности имѣетъ громадное значеніе: собственно она дѣлаетъ сознаніе системой. Въ двухъ направленіяхъ координаціи — въ обобщеніи и различеніи — выражается одна и та же тенденція психическаго развитія — къ гармонической цѣлостности сознанія, къ единству въ разнообразіи.

Тенденція эта, которую правильно будетъ назвать монистическою, никогда не осуществляется до конца въ отдѣльной особи. Человѣкъ, какимъ мы его знаемъ въ исторіи, существо слишкомъ ограниченное, слишкомъ бѣдное матеріаломъ для развитія, если его разсматривать въ отдѣльности. Лишь какъ часть общественнаго цѣлаго, становится онъ элементомъ великой формы развитія. Лишь какъ отраженіе общественно-психической жизни, можетъ индивидуальная психика, съ ея короткимъ періодомъ развитія и быстрой деградацией, сколько-нибудь полно проявить монистическую тенденцію.

Въ жизни общественнаго человѣчества тенденція эта непрерывно господствуетъ, и осуществляется съ возрастающей скоростью.

Резюмируемъ въ немногихъ словахъ содержаніе этой главы.

1. Гармонія отдѣльныхъ представленій является основой своеобразной психической пластичности — процесса обобщенія. Его характеристику составляетъ тенденція къ усиленію и обособленію элементовъ сходства въ

гармонизирующих ассоциированных представлений, к подавлению и устранению элементов разлчия.

2. Производнымъ отъ процесса обобщенія является процессъ разлченія, съ обратной тенденціей.

3. Біологическое значеніе обоихъ процессовъ заключается въ ихъ громадной полезности для пластики и координаціи психическихъ приспособленій.

4. Въ своемъ совмѣстномъ дѣйствіи, оба процесса стремятся превратить сознательную психику въ связаную, гармоническую систему, такъ что могутъ разсматриваться, какъ два типа проявленій одной монистической тенденціи.

5. Измѣненіе условій постоянно нарушаетъ равновѣсіе существующей системы сознанія, а психическая пластика въ направленіи монистической тенденціи постоянно стремится вновь установить равновѣсіе.

4. Общественность.

а) Первичная стадность.

Раньше чѣмъ стать элементомъ жизни общественной, особь выступаетъ, какъ элементъ жизни видовой. Въ жизни видовой связью между особями является размноженіе. Связь эта въ своемъ развитіи съ величайшей послѣдовательностью восходитъ отъ простѣйшихъ формъ размноженія, какія наблюдаются у бесполоыхъ организмовъ, къ болѣе сложнымъ, въ которыхъ съ отношеніями раздѣльности половъ и взаимнаго исканія самцовъ и самокъ соединяются отношенія заботы родителей о дѣтенышахъ. Въ этихъ то сложныхъ формахъ и лежитъ пограничная область, гдѣ изъ высоко уже развитой видовой жизни возникаетъ жизнь общественная.

Половое размноженіе представляетъ простѣйшую, исторически первую форму прямой совмѣстности особей одного вида въ борьбѣ за жизнь. Разумѣется, связанное съ половымъ размноженіемъ стремленіе къ особи своего вида и другого пола (у гермафродитовъ—нерѣдко вообще къ особи своего вида) еще не есть общественность; но это—ея возможный эмбрионъ. Здѣсь существенно то, что „представленіе“ о другой особи того же вида начинаетъ уже играть важную роль въ индивидуально-психической жизни, что „воспріятіе“ другой особи при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ является для психической системы не моментомъ неприспособленности, а элементомъ приспособленія¹⁾.

¹⁾ Термины „воспріятіе“, „представленіе“ не слѣдуетъ, конечно, понимать здѣсь

Исторически болѣе позднюю форму видовой совмѣстности въ борьбѣ за жизнь представляют заботы родителей о дѣтяхъ (первоначально, да и вообще чаще всего—заботы матери). Въ этой формѣ жизненная совмѣстность приобретаетъ уже болѣе постоянный, болѣе устойчивый характеръ, хотя и захватываетъ, обыкновенно, лишь часть жизни дѣтенышей. Въ то же время связь особей теряетъ ту крайнюю узость, которая характерна для половыхъ отношений. Въ этомъ смыслѣ родительскіе инстинкты, особенно въ болѣе развитыхъ формахъ, стоятъ уже гораздо ближе къ явленіямъ общественности.¹⁾

Если подѣ именемъ первичной стадности понимать простое стремленіе особей держаться поближе другъ къ другу, слѣдовать другъ за другомъ при перемѣщеніяхъ, то надо признать, что исходной точкой развитія такой стадности могутъ являться и половые, и родительскіе инстинкты. Происхождение на почвѣ половыхъ отношений можно съ полнымъ основаніемъ приписать полигамическимъ стадамъ и стаямъ многихъ млекопитающихъ и птицъ; изъ связи родителей съ дѣтьми возникли обширныя семьи у многихъ позвоночныхъ и у такихъ насѣкомыхъ, какъ муравьи, термиты, пчелы. — Но въ общемъ, связи, возникающія изъ чисто половыхъ отношений, менѣе способны къ развитію въ сторону общественности, чѣмъ тѣ семейныя связи, которыя лежатъ въ основѣ «родового быта»: въ массѣ случаевъ раздѣльность половъ порождаетъ даже спеціальныя формы борьбы между особями одного пола, — борьбы, играющей такую важную роль въ явленіяхъ полового подбора.

Нетрудно понять, какимъ образомъ первичная стадность могла оказываться полезною для особей и для всего вида, и почему, слѣдовательно, она должна была поддерживаться и развиваться дѣйствіемъ подбора. Простое пребываніе многихъ особей въ одномъ мѣстѣ часто бываетъ достаточнымъ, чтобы охранить ихъ отъ опасныхъ враговъ; привычка слѣдовать другъ за другомъ должна быть очень полезна для отысканія пастбищъ, водопоевъ, и т. под.

Но главное значеніе первичной стадности заключается въ томъ, что

слишкомъ антропоморфически, принимать обозначенное ими за нѣчто вполне сходное съ нашими воспріятіями и представленіями; но во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о весьма аналогичныхъ психическихъ фактахъ.

¹⁾ Остается неизвѣстнымъ, существуетъ ли какая-нибудь генетическая связь между половыми и родительскими инстинктами. Что она существуетъ, можно думать хотя бы потому, что эти группы явленій тѣсно связаны съ одной и той же физической функцией—размноженіемъ.

она создаетъ широкое поле для развитія психическихъ фактовъ подражанія.

б) Подражаніе.

Когда психика осуществляетъ какую-нибудь двигательную реакцію, то обыкновенно она въ то же время воспринимаетъ эту реакцію въ сферѣ сознанія; по крайней мѣрѣ, это относится къ сознательнымъ движеніямъ.

Воспріятіе собственныхъ дѣйствій совершается въ психикѣ двумя путями. Съ одной стороны, имѣется непосредственное двигательное воспріятіе, иннервационное, которое представляетъ изъ себя „сознаніе“ затраты психической энергіи, центробѣжной ея передачи. Съ другой стороны, возникаетъ воспріятіе при посредствѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ—зрительное, осязательное, слуховое: можно видѣть собственные движенія, слышать ихъ, и т. д.

Оба воспріятія, внутреннее и внѣшнее, возникаютъ всегда почти одновременно, при однихъ и тѣхъ же приблизительно условіяхъ. Естественно, что они тѣсно ассоціируются одно съ другимъ въ сознаніи: тамъ, гдѣ выступаетъ одно, немедленно является и другое, хотя бы они воспроизводились въ неполномъ видѣ, при отсутствіи тѣхъ условій, которыя непосредственно ихъ вызывали.

Тутъ читателю надо припомнить кое-что изъ предыдущаго. Если воспріятіе внѣшнихъ чувствъ, ставши привычнымъ, воспроизводится въ неполномъ видѣ при отсутствіи непосредственно вызывавшихъ его условій, то оно приобрѣтаетъ уже форму представленія, а не воспріятія. Если двигательный актъ сознанія повторяется въ неполномъ видѣ, не достигая перехода въ мускульное сокращеніе, то онъ уже не двигательная реакція, а только стремленіе. Стало быть, отъ двухъ способовъ воспріятія собственныхъ дѣйствій въ психикѣ остаются двѣ неполныя реакціи сознанія—представленіе о дѣйствіи, какимъ оно является внѣшнимъ чувствамъ, и стремленіе къ нему. Эти двѣ формы сознанія, какъ было указано, находятся въ тѣсной взаимной связи въ силу самого своего происхожденія, и одна изъ нихъ въ полѣ сознанія влечетъ за собою другую.

При самомъ дѣйствіи внѣшнее воспріятіе должно нѣсколько опаздывать по сравненію съ иннервационнымъ, какъ болѣе непосредственнымъ, опаздывать, конечно, на очень незначительный промежутокъ времени. Когда они воспроизводятся въ неполной формѣ, какъ представленіе и стремленіе,

такая последовательность теряет значеніе: она не сохраняется уже въ силу того, что при благопріятномъ психическомъ подборѣ всякое представленіе и стремленіе удерживается въ сознаніи болѣе или менѣе продолжительное время, наряду съ другими возникающими фактами сознанія.

Такимъ образомъ, когда въ сознаніи выступаетъ представленіе о дѣйствіи—является и стремленіе къ нему, и наоборотъ, все равно, которое бы ни возникло первымъ.

Внѣшнее воспріятіе опредѣленнаго дѣйствія—зрительное, слуховое, осязательное—человѣкъ можетъ получить не только тогда, когда онъ самъ выполняетъ это дѣйствіе, но также и тогда, когда оно выполняется другимъ человѣкомъ: воспріятіе чужого дѣйствія въ очень значительной степени сходно съ внѣшнимъ воспріятіемъ такого же собственнаго дѣйствія. Вслѣдствіе этого, когда получается воспріятіе движеній другого лица, то немедленно является въ сознаніи также представленіе аналогичной двигательной реакціи самого наблюдающаго эти движенія¹⁾. А вмѣстѣ съ представленіемъ возникаетъ и неразрывно ассоціированное съ нимъ стремленіе выполнить самыя движенія. При благопріятныхъ условіяхъ психическаго подбора стремленіе, усиливаясь, переходитъ въ дѣйствіе: человѣкъ воспроизводитъ наблюдаемыя движенія другого человѣка. Тогда передъ нами будетъ полная реакція подражанія. Если же стремленіе останется стремленіемъ и не перейдетъ въ дѣйствіе, то это слѣдуетъ назвать неполнымъ подражаніемъ.

Въ значительномъ числѣ случаевъ психическій подборъ долженъ оказываться настолько благопріятнымъ для подражанія, чтобы оно стало полнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, особь дѣйствующая и особь получающая воспріятіе ея дѣйствія находятся, обыкновенно, въ весьма сходныхъ условіяхъ; и сами онѣ въ значительной степени сходны между собою: естественно, что результаты работы психическаго подбора будутъ часто оказываться сходнымъ для обѣихъ особей, и если у особи *A* онъ выражается въ данной реакціи, то у особи *B* также можетъ легко получиться аналогичная реакція. Напр., *A*

¹⁾ Въ иныхъ случаяхъ воспріятіе движеній другого лица довольно значительно отличается отъ воспріятія соответственныхъ своихъ движеній; такъ зрительное воспріятіе своихъ ногъ при ходьбѣ, благодаря положенію глазъ, во многомъ не таково, какъ при ходьбѣ другой особи. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь воспріятіе чужого дѣйствія обыкновенно влечетъ за собою представленіе соответственнаго своего: когда представленіе стало привычнымъ, то достаточно воспроизведенія нѣкоторыхъ его элементовъ (а тѣмъ болѣе—значительной ихъ части), чтобы остальные воспроизвелись немедленно въ силу ихъ тѣсной связи.

видитъ волка и бросается на него; у *B* стремленіе къ такому же дѣйствию тѣмъ легче усиливается до перехода въ дѣйствіе, что при данныхъ обстоятельствахъ онъ, можетъ быть, напалъ бы на волка и безъ того примѣра, который показалъ ему *A*.

Таковы психическія основы подражанія. Его значеніе для жизни громадно. Нетрудно представить себѣ, какую пользу можетъ приносить подражаніе въ массѣ случаевъ жизненной борьбы, до какой степени пригодный и цѣнный матеріалъ можетъ оно доставлять для подбора.

Выгоды подражанія удобно раздѣлить на непосредственныя и косвенныя. Первые—еще не самыя главныя, но и онѣ очень значительны. Напр., пусть изъ цѣлаго стада животныхъ только одно увидѣло врага, и обращается въ бѣгство, а другія, еще не вида врага, слѣдуютъ, примѣру перваго: какой важный выигрышъ времени въ критическую минуту составляетъ это для всего стада. Или, положимъ, въ стаѣ птицъ болѣе опытныхъ, зная, лучше другихъ гдѣ искать добычу, своимъ примѣромъ указываютъ это и другимъ: насколько болѣе обезпеченной является благодаря этому жизнь особей.

Но особенно громадно косвенное значеніе подражанія, какъ способа психической пластики.

Путемъ подражанія одна психика усваиваетъ себѣ приспособленія другихъ, каждый „научается“ дѣлать то, что дѣлаютъ остальные. Къ подражанію сводится, въ сущности, все „воспитаніе“ особи, частью прямо, частью косвенно. Въ процессъ подражанія всѣ пріобрѣтенія долгаго видоваго и общественнаго психическаго развитія становятся достояніемъ особи въ самое, сравнительно, короткое время.

Эта сторона дѣла основывается на томъ, что всѣ сложныя реакціи пластически возникаютъ изъ сочетанія простѣйшихъ привычныхъ движеній. Положимъ, у одной особи существуетъ опредѣленная сложная форма дѣйствія, которой нѣтъ у другихъ; но у нихъ существуютъ, не будучи взаимно связаны, всѣ элементарныя движенія, входящія въ составъ этой формы. Въ такомъ случаѣ подражаніе совершается путемъ выполненія, одно за другимъ, этихъ простѣйшихъ движеній; получается пластичная реакція, подобная той, которая вызвала подражаніе. — Вначалѣ, конечно, такое подражаніе является очень несовершеннымъ, какъ вообще большинство пластичныхъ приспособленій; но постепенно, повторяясь снова и снова, оно пріобрѣтаетъ связность, опредѣленность—становится привычнымъ приспособленіемъ, иногда даже болѣе совершеннымъ, чѣмъ первоначальный образецъ.

Изъ этого видно, между прочимъ, гдѣ лежатъ предѣлы подражанія. Оно

113 | совершенно невозможно тогда, когда психика особи, наблюдающей чужое дѣйствіе, не располагаетъ элементами этого дѣйствія. Подражаніе тѣмъ болѣе затруднительно и тѣмъ менѣе совершенно, чѣмъ болѣе необычнымъ является для подражающей особи данное сочетаніе движеній, чѣмъ меньше имѣется въ психикѣ подходящихъ къ нему готовыхъ сочетаній простѣйшихъ реакцій. Поэтому, напр., обученіе писму, операціи весьма сложной, начинаютъ нерѣдко съ того, что показываютъ ученику, какъ писать палочки, штрихи, овалы—болѣе простыя сочетанія движеній, входяція въ составъ этой операціи; затѣмъ переходятъ къ сочетаніямъ болѣе сложнымъ, и т. д.

Въ зависимости отъ различія психическихъ особей, а также и вѣшнихъ обстоятельствъ, подражаніе заключаетъ въ себѣ иногда меньше, иногда столько же, но иногда и больше, чѣмъ дается въ подражаемомъ. Неполное подражаніе представляетъ, скорѣе, общее правило, полное наблюдается въ меньшинствѣ случаевъ. Первое, можно полагать, въ той или иной степени имѣетъ мѣсто при всякомъ воспріятіи чужихъ дѣйствій; второе же требуетъ особенно благоприятныхъ условій въ психикѣ подражающаго. — Но зато наблюдается также—и далеко нерѣдко—что тамъ, гдѣ у одного привычная реакція останавливается, не доходя до конца, или даже въ самомъ началѣ,—у другого, ему въ данный моментъ подражающаго, она не только доводится до конца, но и влечетъ за собою другія, съ ней ассоціированныя реакціи: одинъ еще только начинаеть, а другой, въ силу подражанія, не только начинаеть, но и продолжаетъ и оканчиваетъ. Разумѣется, это возможно лишь тогда, когда то дѣйствіе, которому подражаютъ, является привычнымъ для подражающаго.

Въ процессѣ подражанія индивидуальная психика выходитъ изъ своей первоначальной ограниченности, перестаетъ въ своемъ развитіи всецѣло опредѣляться непосредственными условіями вѣшной природы. Тѣ вѣшнія вліянія, которыя прямо не дѣйствуютъ на данную особь, при посредствѣ другихъ подобныхъ ей особей пріобрѣтаютъ значеніе для ея психики, и опредѣляютъ собою массу повышающихъ ея жизнеспособность психическихъ приспособленій.

Предпосылкой подражанія является сходство особей; и въ свою очередь подражаніе оказывается могущественнымъ средствомъ увеличенія этого сходства, способомъ взаимной ассимиляціи особей, создавая единство ихъ психическаго развитія.

Само по себѣ, подражаніе еще не есть общественность; но оно есть

основная форма, въ которой происходитъ развитіе первоначальной стадности въ настоящую общественность, т. е. въ сотрудничество.

с) Сотрудничество.

Общественность, какую можно наблюдать среди зоологическаго вида *Homo sapiens* („одаренный разумомъ человѣкъ“), характеризуется не только совмѣстностью особей въ борьбѣ за жизнь, но именно трудо-вой совмѣстностью, сотрудничествомъ.

Такъ какъ понятіе „труда“ въ первый разъ выступаетъ здѣсь въ ходѣ нашего изложенія, то мы должны будемъ заняться теперь его выясненіемъ. А для этого придется начать съ понятія „цѣли“.

Человѣкъ видитъ добычу (1-ое воспріятіе), убиваетъ и ѣстъ ее (дѣйствіе), чувствуетъ, что его голодъ прошелъ (2-ое воспріятіе). Отъ этихъ фактовъ остается ассоціація трехъ формъ сознанія: представленія о добычѣ, стремленія напасть на нее, представленія объ утоленномъ голодѣ. Психическій подборъ, конечно, очень благопріятенъ для данной ассоціаціи, такъ какъ та полная реакція, изъ которой она произошла, при каждомъ повтореніи завершалась интенсивнымъ чувствомъ удовольствія, и вообще оказывалась весьма полезна для организма. Такимъ образомъ, сложившаяся ассоціація упрочивается до неразрывности и воспроизводится все съ большой легкостью и быстротой.

Въ какомъ видѣ представляется тогда какое-нибудь изъ послѣдующихъ повтореній реакціи? Съ повторнымъ воспріятіемъ добычи немедленно воскресаетъ въ сознаніи стремленіе захватить ее, и представленіе объ утоленномъ голодѣ. Стремленіе переходитъ въ дѣйствіе, въ результатъ повторяется воспріятіе утоленнаго голода. Но уже раньше въ сознаніи было представленіе, соотвѣтствующее (приблизительно) этому воспріятію: благодаря сложившейся ассоціаціи фактовъ сознанія, представленіе объ утоленномъ голодѣ предшествовало такимъ образомъ дѣйствію, результатамъ котораго это представленіе соотвѣтствуетъ. Такое представленіе называется „цѣлью“ дѣйствія. Въ немъ какъ бы отражается будущій результатъ дѣйствія—въ дѣйствительности же только результатъ прежняго опыта, повторяющійся съ повтореніемъ всей реакціи ¹⁾.

¹⁾ Можетъ показаться, что представленіе цѣли дѣйствія должно было предшествовать уже тому первому случаю, изъ котораго возникла описанная ассоціація фактовъ сознанія: развѣ человѣкъ не затѣмъ и бросился на добычу, чтобы удовлетворить ей

Такова самая общая схема возникновенія „цѣлей“ въ психикѣ. — Въ дѣйствительности сочетаніе представленій часто бываетъ гораздо сложнѣе; самое представленіе цѣли иногда образуется пластически, какъ нѣчто новое, изъ прежнихъ представленій, такъ что человѣкъ стремится къ тому, чего непосредственно не переживалъ, для чего въ пережитомъ у него есть только элементы; наконецъ, вся цѣль явленій можетъ быть гораздо длиннѣе, съ массой посредствующихъ звеньевъ. Все это нѣсколько не мѣняетъ сущности дѣла, происхожденія «цѣлей» изъ пережитыхъ воспріятій, и приведенная схема остается всегда примѣнимою въ своихъ основныхъ чертахъ. ¹⁾

Трудомъ называется дѣятельность, соединенная съ сознаніемъ цѣли. Стало быть, это психическій процессъ, который складывается изъ привычныхъ и пластичныхъ (т. е. вообще сознательныхъ) реакцій, сопровождаемыхъ представленіемъ о результатахъ этихъ реакцій.

Трудъ, полезный для жизни не только самой трудящейся особи, но и другихъ, ей подобныхъ, есть трудъ общественно-полезный или „производство“ (терминъ экономистовъ, взятый здѣсь въ самомъ широкомъ значеніи). Производство и составляетъ основное содержаніе общественности. Общественность, такимъ образомъ, сводится къ сотрудничеству, т. е. къ трудовой совмѣстности особей въ борьбѣ за жизнь. ²⁾

свой голодъ? Но пусть читатель припомнитъ, что сознательныя дѣйствія первоначально развиваются изъ рефлекторныхъ, а къ рефлекторнымъ понятіе цѣли совсѣмъ не примѣнимо — съ ними не связано непосредственно никакое представленіе объ ихъ результатахъ. Если птенецъ, только что вылупившійся изъ яйца, бросается на муху и клеваетъ ее, то онъ дѣлаетъ это не затѣмъ, чтобы наѣсть, а только потому, что увидалъ муху, и что въ его психикѣ есть соответственная рефлекторная реакція.

¹⁾ Здѣсь указано только наиболѣе существенное для насъ въ явленіяхъ „цѣли“. Въ дѣйствительности они значительно сложнѣе. Такъ, представленіе цѣли всегда сопровождается тѣмъ своеобразнымъ психическимъ состояніемъ, которое обозначается терминомъ „ожиданіе“. Это — состояніе особаго напряженія, родственное до нѣкоторой степени съ „вниманіемъ“, и въ своей основѣ, вѣроятно, тоже мускульнаго, иннервационнаго характера. — Но ближайшее разсмотрѣніе подобныхъ вопросовъ относится спеціально къ области психологіи, а къ нашей задачѣ прямого отношенія не имѣетъ. (По той же причинѣ мы вообще оставляемъ въ сторонѣ происхожденіе различныхъ опредѣленій по времени и пространству — представленія о прошломъ, будущемъ, смежномъ, удаленномъ, и т. под.).

²⁾ Говоря это, мы имѣемъ въ виду не только трудъ производства такъ называемыхъ «матеріальныхъ продуктовъ», но вообще всякій общественно-полезный трудъ безъ различія его объектовъ.

Опредѣленной, рѣзкой границы между трудомъ общественно-полезнымъ и полезнымъ только индивидуально нѣтъ и быть не можетъ. Различать оба вида труда съ полной точностью можно только тогда, когда они оказываются во взаимномъ противорѣчїи. Общественный характеръ той цѣли, къ которой направлена трудовая дѣятельность, можетъ обнаруживаться и не прямо, а косвенно. Напр., если человѣкъ дѣлаетъ топоръ для себя, но топоръ этотъ нуженъ ему для работы общественно-полезной (колоть дрова для всей семьи), то и выдѣлка топора является, конечно, актомъ общественно-полезнаго труда.

Формы общественно-полезнаго труда—формы сотрудничества—весьма различны. Онѣ зарождаются среди первичной стадности, и развиваются путемъ подражанія. Въ массѣ случаевъ актъ подражанія, соединяясь съ представленіемъ цѣли, прямо создаетъ общественно-трудовую форму. Напр., когда одинъ человѣкъ, слѣдуя примѣру другого, бросается вмѣстѣ съ нимъ на опаснаго звѣря, сознавая въ то же время, зачѣмъ это дѣлается, то подобное дѣйствіе имѣетъ прямо общественно-трудовой характеръ.

Общественно-трудовая борьба за существованіе или процессъ производства есть тотъ базисъ, на которомъ возникаетъ и развивается познаніе. Почему и какимъ образомъ это происходитъ—будетъ выяснено въ дальнѣйшемъ.

д) Общественный подборъ.

До сихъ поръ далеко еще не выяснено съ достовѣрностью, существуютъ ли „простыя“ формы жизни, не являются ли такими, напр., клѣтки.— Всякой же формѣ сложной свойственны, какъ было выяснено, явленія внутренняго подбора, подбора ея элементовъ въ процессѣ ихъ приспособленія другъ къ другу и къ цѣлому формы. Дѣятельность этого подбора подчинена, какъ мы знаемъ, подбору внѣшнему, и сравнительно весьма ограничена. Деградація и гибель отдѣльных неприспособленныхъ элементовъ рядомъ съ развитіемъ приспособляющихся можетъ совершаться только до извѣстнаго предѣла, за которымъ слѣдуетъ гибель цѣлаго; подборъ внѣшній, такимъ образомъ, всегда можетъ остановить работу внутренняго.

Общественное цѣлое есть сложная форма жизни; ближайшіе элементы этой формы—психическія особи—сами весьма сложны, и различнымъ образомъ приспособляются къ совместной жизненной борьбѣ. Отдѣльныя психическія формы особей и цѣлыя особи, и даже цѣлыя ихъ группы устраняются въ общемъ процессѣ развитія или деградаціи соціальнаго цѣлаго, если онѣ

оказываются общественно - неприспособленными и не приспособляющимися. Въ этомъ заключается внутренній подборъ соціального цѣлаго—общественный подборъ.—Механизмъ общественного подбора въ различныхъ случаяхъ весьма разнообразенъ.

Общественное цѣлое представляетъ изъ себя обширную систему отношеній, въ которую входятъ не только взаимныя отношенія особей, но и ихъ внутреннія отношенія, и отношенія къ вѣдшей природѣ. Поэтому общественный подборъ является не только въ формѣ непосредственного воздѣйствія особей другъ на друга, но и въ формѣ подбора психическаго, и даже вѣдшняго.

Изъ различныхъ механизмовъ общественного подбора наиболѣе простой и грубый выступаетъ въ томъ случаѣ, когда неприспособленная особь прямо устраняется дѣйствіемъ остальныхъ, напр., когда убиваютъ преступника. Это соотвѣтствуетъ уже крайней степени взаимной неприспособленности особей, и представляетъ наименѣе интересный съ точки зрѣнія нашей задачи видъ общественного подбора.

Гораздо чаще общественный подборъ выступаетъ въ менѣе грубыхъ, болѣе замаскированныхъ формахъ. Таковы, прежде всего, тѣ случаи, когда онъ является подъ видомъ подбора вѣд-соціального. Нерѣдко особи погибаютъ, повидимому, вслѣдствіе своей неприспособленности къ природѣ вѣд-общественной; но при дальнѣйшемъ анализѣ оказывается, что дѣло идетъ о непригодности этихъ особей къ наличнымъ формамъ общественности. Положимъ, при данныхъ, сложившихся отношеніяхъ людей отдѣльнымъ личностямъ необходимо для сохраненія жизни работать больше, чѣмъ могутъ выдерживать ихъ организмы; тогда ранняя смерть этихъ особей отъ истощенія и болѣзней есть выраженіе общественного подбора, который только принялъ видъ вѣд-соціального. Кака-нибудь туберкулезная палочка въ массѣ случаевъ является, какъ это ни странно, дѣятелемъ подбора—въ конечномъ счетѣ—общественнаго.

Еще чаще предметомъ общественного подбора выступаютъ частныя психическія формы въ отдѣльныхъ личностяхъ. Тогда общественный подборъ принимаетъ непосредственную форму психическаго. Если человѣкъ обнаруживаетъ такія склонности, совершаетъ такіе поступки, которые не соотвѣтствуютъ системѣ общественныхъ отношеній, дѣлаютъ его неприспособленнымъ къ общественной средѣ, то это ведетъ къ страданіямъ самой особи отъ воздѣйствія на нее общественной среды: человѣка бьютъ, сажаютъ въ тюрьму, порицаютъ, и т. под. Возникающія такимъ образомъ страданія

означают отрицательный психический подбор, который направлен къ ослабленію и уничтоженію неприспособленных психическихъ формъ.

Наибольшій интересъ представляетъ для насъ тотъ случай, когда общественный подборъ дѣйствуетъ не на индивидуально-психическія, а на общественно-психическія формы.

Общественно-психической формой называется совокупность взаимно-соотвѣтственныхъ и взаимно-связанныхъ психическихъ формъ въ различныхъ особяхъ. Любой случай совмѣстнаго труда людей представляетъ изъ себя конкретное проявленіе опредѣленной общественно-психической формы. Если нѣсколько человѣкъ сообща строятъ домъ, это значитъ, что каждый изъ нихъ обладаетъ опредѣленными психическими формами трудовыхъ дѣйствій, выполняемыхъ для данной цѣли, и что эти психическія формы различныхъ особей болѣе или менѣе приспособлены каждая ко всѣмъ остальнымъ, такъ что каждая содѣйствуетъ поддержанію всѣхъ остальныхъ. Подобная система взаимно-приспособленныхъ индивидуально-психическихъ формъ въ ея единствѣ и отдѣльности съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названа общественно-психической или, для краткости, просто общественной формой.

Очевидно, что дѣйствіе общественнаго подбора на общественныя формы сводится болѣе непосредственно къ его дѣйствію на отдѣльныя психическія формы, входящія въ составъ общественной, и выступаетъ обыкновенно подъ видомъ психическаго подбора въ особяхъ. Разсмотримъ это на конкретномъ примѣрѣ. Патріархальная семья, какъ система взаимно-соотвѣтственныхъ психическихъ формъ нѣсколькихъ особей, представляетъ изъ себя опредѣленную общественную форму. Она приспособлена къ опредѣленной общественной средѣ—положимъ, натурально-хозяйственной. Но среда эта можетъ измѣниться: въ обществѣ возникаютъ, напр., мѣновыя, денежныя отношенія; и къ новой средѣ патріархальная семья оказывается уже неприспособленной. Изслѣдовать причины этой неприспособленности намъ здѣсь не приходится; а ея непосредственныя проявленія сводятся къ тому, что каждый изъ членовъ семьи начинаетъ поступать въ противорѣчіи съ другими. Начинаются различныя „семейныя огорченія“; страданія, возникающія изъ старыхъ психическихъ формъ въ новой средѣ, по закону психическаго подбора подрываютъ эти самыя формы: прежняя семья распадается. Общественный подборъ устранилъ старую общественную форму, чтобы создать новую.

Точно также данное мнѣніе, принятое нѣкоторымъ числомъ особей,—напр., какая-нибудь традиціонная теорія,—должно разсматриваться, какъ

общественно-психическая форма; когда она соответствует общей системѣ отношеній между людьми, то общественный подборъ поддерживаетъ и развиваетъ ее; когда соответствіе нарушается, общественный подборъ ее измѣняетъ, разстраиваетъ. То и другое совершается въ формѣ психическаго подбора: въ первомъ случаѣ люди чувствуютъ себя удовлетворенными старымъ мнѣніемъ, во второмъ—является неудовлетворенность, чувство противорѣчія.

Въ заключеніе еще разъ напомнимъ по поводу общественнаго подбора то, что относится къ принципу подбора вообще: подборъ не есть какой-нибудь реальный дѣятель, а наша абстракція, примѣняемая, какъ методъ изслѣдованія; это—обобщеніе дѣйствительныхъ фактовъ сохраненія и уничтоженія формъ жизни, соединенное съ представленіемъ о законмѣрности того и другого. Общественный подборъ есть сохраненіе или уничтоженіе психическихъ формъ, поскольку оно разсматривается въ зависимости отъ общественной среды.

Содержаніе этой главы сводится, въ краткихъ чертахъ, къ слѣдующему:

1. Изъ связей видовой жизни возникаетъ первичная стадность—зародышъ общественности. На почвѣ этой стадности развивается подражаніе—явленіе, основанное на фактахъ ассоціаціи представленій и стремленій.

2. По мѣрѣ того какъ привычныя и пластичныя реакціи пріобрѣтаютъ характеръ трудовыхъ, т. е. соединенныхъ съ представленіемъ опредѣленныхъ цѣлей, изъ фактовъ стадности и подражанія развивается общественность, т. е. сотрудничество, трудовая совмѣстность особей въ борьбѣ съ природой.

3. Поскольку, такимъ образомъ, возникаетъ общество, какъ особая форма жизни, на сцену выступаетъ специальный внутренній подборъ этой формы—общественный подборъ, приспособляющій элементы общественнаго цѣлаго одни къ другимъ и ко всему цѣлому.

4. Система взаимно-приспособленныхъ психическихъ формъ различныхъ особей составляетъ форму общественную. Выработка подобныхъ формъ общественнымъ подборомъ стремится сдѣлать общество цѣльной, чуждой внутреннимъ противорѣчіямъ системой.